

CD 1

- 1 Вступление
“Похвала пустыне”

Действие Первое

В заволжских лесах, близ Малого Китежа, в глухой чаще стоит истопка малая древолаза. Вокруг дубьё, вязьё да сосны. Поодаль гремячий ключ. Межень лета. Птицы поют, кукушка кукует. Дело к вечеру.

Феврония

(вяжет пучками травы и развешивает их на солнце; одета в простой летник, волосы распущены)

- 2 Ах ты лес, мой лес, пустыня прекрасная,
ты дубравушка, царство зелёное!
Что родимая мати любезная,
меня с детства растила и пестовала.
Ты ли чадо своё не забавила,
неразумное ты ли не тешила,
днём умильные песни играючи,
сказки чудныя ночью нашептывая?
Птиц, зверей мне дала во товарищи,
а как вдоволь я с ними натешуся,
нагоняя видения сонные,
шумом листьев меня угоманивала.
Ах, спасибо, пустыня, за всё, про всё:
за красу за твою вековечную,
за прохладу порой полудённую,
да за ночь парную, за воложную;
за туманы вечерние, сизые,
по утрам же за росы жемчужныя,
за безмолвье, за думушки долгия,
думы долгия, думы тихия, радостныя.
(призадумывается; встает и озирается)
- 3 Где же вы, дружки любезные,
зверь рыскачий, птица вольная?
(берет птичий корм и разбрасывает его по
А-у, а-у! А-у, а-у! [земле])
С мест укромных собирайтесь,
с зыбких мхов, болот да зарослей.
Много яств про вас запасено,
зёрен, малых мурашиков.
А-у!
(Слетается многое множество лесных и
болотных птиц и окружает Февронию.)
(журавлю)
Ты, журавль, наш знахарь, долгий нос!
Что ступаешь ты не радощен?
Али травки не собираются,
не копаются кореньяца?
(Вбегает молодой медведь, ласкается и
валяется. Медведя Феврония кормит
хлебом.)
(медведю)

Introduction

“In praise of the wilderness”

Act One

The forests beyond the Volga near Lesser Kitezh. The small abode of a tree creeper stands in a dense thicket. All around are oak trees, elms and pines. A little way off there is a gushing spring. It is midsummer. The birds are singing, a cuckoo can be heard. Evening is approaching.

FEVRONIYA

(tying together herbs and hanging them out in the sunshine; she is dressed in a light summer caftan and her hair is let down)

Ah, you forest, my forest, beautiful wilderness,
you oak grove, you kingdom of verdure!
Like my own dear affectionate mother
you brought me up and cherished me.
Did you not amuse your child,
did you not comfort your foolish child,
playing her tender songs in daytime,
and whispering to her wondrous tales at night?
You gave me the birds and beasts as my friends,
and after I had spent a jolly time with them,
invoking sleepy visions,
you calmed me with the rustling of your leaves.
Ah, thank you, wilderness, for everything:
For your eternal beauty,
for the cool you give in the midday sun
and for your humid and sultry nights;
for the grey mists of evening,
for the pearly dew of the morning,
for the silence and for my long thoughts,
for my long, calm and joyful thoughts.
(becomes thoughtful; stands up and looks around)
Where are you, my dear friends,
you prowling beast, you free bird?
(takes some birdseed and scatters it over the ground)
A-oo, a-oo! A-oo, a-oo!
From your cosy nooks come and gather,
from your springy mosses, swamps and brakes.
Many eatables have been set by for you,
grains and little insects.
A-oo!
(A great flock of forest and marsh birds come flying down and surround Fevroniya.)
(to the crane)
You crane with your long bill, our witch-doctor,
why aren't you happy?
Are there no grasses to be gathered?
Are there no roots to be dug up?
(A bear cub runs in, snuggles up and lies down.
Fevroniya feeds the bear with some bread.)
(to the bear)

Про тебя, медведя, худо бается:
живодёр ты, по пословице.
Да не верю я напраслине:
ты велик да смирен вырастешь.
Будут все медведя чествовать,
по дворам водить богатым,
со домрами да с сопелями
на потеху люду вольному.
(Подходит к дальним кустам. Из ветвей
высовывает голову рогатый лось.)

- 4 Ты не бойсь зверька косматого,
покажись, наш быстроногий тур!
От зубов от пёсьих острых
зажила ли язва лютая?
(Осматривает рану на шее лося. Медведь
лежит у ее ног; рядом журавль и другие
птицы. Из кустов появляется, незаметно для
Февронии, княжич Всеволод Юрьевич и
столбенеет от изумления. Птицы и звери
шарахаются в разные стороны.)

Княжич Всеволод
(в сторону)
Что за притча, Господи?
Встреча небывалая!
Вот у, право, невидаль,
чудеса воочию!

Феврония
(про себя)
Молодец незнаемый:

Княжич Всеволод
(про себя)
То не с неба ль светлого ...

Феврония
объявился, кто таков.

Княжич Всеволод
... к нам явился на землю
серафим невидимый,
обернувшись девицей?
Али то болотница,
на купавках сидючи,
в тину манит молодца?

Феврония
(разглядывая княжича)
Ловчий, по одеже-то;
по белому личику, —
будто королевский сын.

Княжич Всеволод
Сгинь ты, навождение,
разойдися облаком —
свято место здешнее.
Сгинь, лесное чудище!

People say bad things about you, bear:
you're a fleecer, as the saying goes.
But I don't believe the slander:
you will grow up and be submissive.
Everyone will do the bear honour.
He will be led around the farmyards of the rich
with domras and flutes
to entertain free people.
(She goes up to some distant bushes. The head of an elk
with antlers pokes out of the branches.)
Don't be afraid of the shaggy beast,
show yourself now, you fleet-footed aurochs!
From the sharp teeth of dogs
has your terrible wound healed?
(She examines the wound on the elk's neck. The bear
lays at her feet; alongside are the crane and other
birds. Unnoticed by Fevroniya the young prince
Vsevolod Yurevich appears out of the bushes and
stands rooted to the spot in astonishment. The birds
and beast all dart off in various directions.)

PRINCE VSEVOLOD
(aside)
Oh Lord, what is the meaning of this!
I've never encountered the likes of it!
This is truly a marvel,
it's a miracle to behold!

FEVRONIYA
(to herself)
A young stranger ...

PRINCE VSEVOLOD
(to himself)
Is it not from the joyful heavens ...

FEVRONIYA
... has appeared, who could that be?

PRINCE VSEVOLOD
... that an invisible seraph,
transformed into a maiden,
appeared to us on earth?
Or is it a marsh spirit
sitting on a water lily
enticing young men into the mire?

FEVRONIYA
(scrutinizing the prince)
He's a huntsman judging by his clothes;
from his fair face —
he is like a king's son.

PRINCE VSEVOLOD
Begone, diabolical suggestion,
disperse like a cloud —
this place is sacred.
Begone, fiend of the forest!

Феврония
 (оправляется от смущения, кланяется,
 говорит просто и приветливо)
 Здравствуй, молодец!
 Что же? Гостем будь!
 Сядь, отдавай-ка мёду нашего!
 Мёд слезы светлей, а уж сладок как:
 горе горькое да и то пройдёт.
 (Феврония выносит хлеб и мед на
 деревянном подносе и воду в кувшине.)

Княжич Всеволод
 (усталый, садясь)

5 Недосуг, хозяйюшка, сидеть:
 приспевают тёмные потёмки.

Феврония
 Все тропы мне ведомы лесные,
 я тебе дорогу покажу.
 (вглядываясь)
 Скорбен, миленький, ты что-то.
 Ай! Ведь рукав-то весь в крови.
 Ты ранен?

Княжич Всеволод
 Стрелся я с медведем,
 заблудившись,
 уложил ножом, а он
 рванул по плечу мне.

Феврония
 Полно, не кручинься!
 От единой смерти зелья не бывает.
 Я обмою рану дождевой водою,
 приложу к кровавой травки придорожной,
 алых цветочков, маковых листочков:
 мигом кровь уймётся, лютый жар остынет.

(Княжич пьет воду; Феврония засучивает ему
 рукав и перевязывает рану.)

Княжич Всеволод
 (любывая Февронией; про себя)
 Ты краса ли девичья,
 ты коса ль, коса ли тёмная,
 где краса сыскалася,
 где девичья находилася?
 Не в престольном городе,
 а в лесах дремучих,
 да не в соболи одетая,
 смурой посконью покрытая.

Феврония
 (отрываясь от дела; про себя)
 Что ж ты, рученька, застоилася?
 Дело лёгкое занеладилось.
 Али боязно стало молодца,
 соколиных глаз, смелой удали?

FEVRONIYA
*(recovering from her confusion, she bows and speaks
 simply and affably)*
 Greetings, young man!
 What is it? Be our guest!
 Sit down and try our honey!
 Honey brighter than a tear and sweet:
 grief is bitter, but it passes.
*(Fevroniya brings out some bread and honey on a
 wooden tray and some water in a scoop.)*

PRINCE VSEVOLOD
(tired, he sits down)
 I have no time to sit, mistress:
 the darkness of night is drawing near.

FEVRONIYA
 I know all the forest paths
 and I shall show you the way.
(peering)
 You look sad about something, my dear.
 Ah! Your sleeve is covered with blood.
 Are you wounded?

PRINCE VSEVOLOD
 I came across a bear
 when I was lost.
 I dispatched him with my knife
 but he tore at my shoulder.

FEVRONIYA
 Enough, do not grieve!
 Only against death there is no potion.
 I shall cleanse the wound with rainwater,
 I shall put on it some herbs from the wayside,
 some crimson flowers and poppy leaves:
 and in an instant the bleeding will stop and the fierce
 burning will abate.

*(The prince drinks some water; Fevroniya rolls up his
 sleeve and binds the wound.)*

PRINCE VSEVOLOD
(admiring Fevroniya; to himself)
 You have the beauty of a maiden,
 you have a dark, dark tress,
 where has your beauty come from,
 where has your maidenly beauty blossomed out?
 Not in the capital city,
 but in the slumbering forests,
 not dressed in sable,
 but covered with dark hempen sacking.

FEVRONIYA
(breaking off what she is doing; to herself)
 Why does my hand hesitate so?
 This is such a straightforward matter, yet it fails.
 Or have I grown afraid of the fine fellow
 with his falcon eyes and his dashing courage?

Княжич Всеволод
(Февронии)

- 6 Чья ты, девица, отколь взялася?
Как же ты живёшь одна в пустыне?

Феврония

Звать Февронией, живу при брате;
он же древолаз и нынче лазит
где-нибудь за ярой пчёлкой.
Нет у нас достатка никакого,
а зимою и нужда бывает.
А зато придёт весна в пустыню,
разольются все лужья, болота,
разоденутся кусты, деревья,
запестреет мурава цветами,
стужу зимнюю и не вспомянешь.
Станет лес наш полон чудесами,
то виденьями, то голосами;
запоют все пташечки лесные,
серый дрозд да вдовушка-кукушка;
придут думы вешние да песни,
дивных снов навеет ветерочек.
А какие сны бывают золотые!
И не знаешь, где живёшь взаправду,
где цветы душмяней и алее,
ярче день и солнышко теплее –
в пёстрых снах, аль здесь,
в бобыльской доле.

Княжич Всеволод

- 7 Ай же ты прекрасная девица!
Люди старые иначе молвят:
“Снов, мол, лестных боронися крепко:
лжа ведь сон-то; мы же правды ищем”.

Феврония

Не суди уж, молодец пригожий,
неучёная ведь я, простая.
Что же ранка-то? Горит гораздо?

Княжич Всеволод

(вставая)
Нет, спасибо, красная девица!
Скорбь от раны будто миновала.
Видно, ты слова такие знаешь,
что и зверь придёт, и кровь уймётся.
Ты скажи-ка, красная девица,
ходишь ли молиться в церковь Божью?

Феврония

Нет, ходить-то мне далёко, милый,
а и то: ведь Бог-то не везде ли?
Ты вот мыслишь: здесь пустое место;
ан же нет: великая здесь церковь.
Оглянися умными очами.
(благоговейно, как бы видя себя в церкви)

- 8 День и ночь у нас служба воскресная,
днём и ночью темьяны да ладаны;

PRINCE VSEVOLOD

(to Fevroniya)

Whose child are you, where have you come from?
How is it that you live alone in the forest?

FEVRONIYA

My name is Fevroniya, I live with my brother;
he is a tree creeper climbing now
in search of the busy bee.
We do not have a surfeit of anything,
and in winter we are often in need.
But then spring comes to our wilderness,
all the glades and marshes overflow,
the bushes and the trees deck themselves in finery,
the sward abounds with flowers,
and you do not even remember the cold of winter.
Our forest fills with marvels,
now with visions, now with voices;
all the forest birds start singing,
the grey thrush and the widow cuckoo;
the springs ballads and songs will come,
and the breeze will bring some wondrous dreams.
And what golden dreams there are!
Truly, you do not even know where you are living,
where the flowers are more fragrant and show a more
vivid red,
the daylight is brighter and the sunshine warmer –
in multicoloured dreams, or here,
with our solitary lot.

PRINCE VSEVOLOD

Ah, you beautiful maiden!

But the old people say:

“Let us avoid flattering dreams:
dreams are falsehood; but we seek truth.”

FEVRONIYA

Do not judge me, handsome youth,
I have not been educated. I am a simple girl.
How is your wound? Is it stinging too much?

PRINCE VSEVOLOD

(getting up)

No, thank you, fair maiden!
The pain from my wound seems to have passed.
Clearly, you know the words
to make the beasts come and to stop bleeding.
Tell me, fair maiden,
do you go to pray in God's church?

FEVRONIYA

No, it is far for me to go,
but then: is not God everywhere?
You think this is a deserted place;
but it is not: there is a mighty church here.
Look about with intelligent eyes.
(reverentially, as if seeing herself in a church)
Day and night we have our service,
day and night we have our thyme and frankincense;

днём сияет нам солнышко,
солнышко ясное,
ночью звёзды как свечи затеплятся.
День и ночь у нас пеньё умильное,
что на все голоса ликование,
птицы, звери, дыхание всякое
воспевают прекрасен Господень свет.
Тебе слава вовек, небо светлое,
Богу-Господу славен, высок престол!
Та же слава тебе, земля-матушка,
ты для Бога подножие крепкое!

Княжич Всеволод
(смотрит на Февронию с изумлением)
Ай же ты, прекрасная девица!
Дивны мне твои простые речи,
всё о радости, весельи красном.
Люди старые иначе молвят:
“Не зарись на радости земные,
на земли-то нам скорбеть и плакать.”
И уйти бы мне в пустыню вовсе ...
Эх, да удаль-молодость помеха:
просит молодецкого веселья.

Феврония
(очень ласково и проникновенно, взяв его за
руку и глядя в очи)

- 9 Милый, как без радости прожить,
без веселья красного пробыть?
Посмотри: играют птички все,
веселится, скачет зверь рыскающий.
Верь, не та спасённая слеза,
что с тоски-кручинушки течёт,
только та спасённая слеза,
что от Божьей радости росится.
И греха, мой милый, ты не бойсь;
всякого возлюбим как он есть, —
тяжкий грешник, праведник ли он:
в каждой душеньке краса Господня.
Всяк, кто стрелся, того Бог прислал;
в скорби он, так он ещё, ещё нужней,
приласкай, хотя б был лиходей,
радостью небесною обрадуи.
А и сбудется небывалое:
красотою всё разукрасится.
Словно дивный сад, процветёт земля,
и распустятся крины райские,
прилетят сюда птицы чудные,
птицы радости, птицы милости,
воспоют в древах гласом ангельским;
а с небес святых звон малиновый,
из-за облаков несказанный свет.

Княжич Всеволод
(с восторгом)

- 10 Исполать, уста сахарные,

during the day the sun shines on us,
a brilliant sun,
and at night the stars begin to gleam like little candles.
Day and night we have tender singing,
like jubilation in a multitude of voices:
birds, beasts, everything that breathes,
all glorify God's beautiful world.
Glory to thee for ever more, radiant heaven,
glory to the Lord God and his lofty throne!
And that same glory to thee, mother earth,
you are the solid pedestal of God!

PRINCE VSEVOLOD
(looks at Fevroniya in astonishment)
Well spoken, fair maiden!
Your simple words amaze me,
they speak of joy and radiant happiness.
But the old people say:
“Do not covet earthly joys,
on earth we must grieve and weep.”
I would go off into the wilderness too ...
But my youth and boldness are an obstacle:
they crave for valiant merriment.

FEVRONIYA
(takes his hand and gazes into his eyes; very
affectionately, with heartfelt feeling)
Dearest, how can you live life without joy,
how can you remain without smiling merriment?
Look: all the birds play,
the roving beast makes merry and leaps about.
Believe me, the tear of salvation is not
that tear which flows from grief and anguish,
only that tear which forms the dew of God's joy
is a tear of salvation.
And sin, my dearest, do not fear it;
let us love each one as he is —
the grievous sinner, the righteous man:
the beauty of God resides in every soul.
Whoever we meet, God sent him;
if he grieves, so he is even more needy,
caress him, even if he is an evil-doer,
cheer him with the joy of heaven,
and something marvellous will happen:
everything will be adorned with beauty.
Like a wondrous garden the earth will flourish
and the lilies of heaven will blossom,
wondrous birds will come flying here,
birds of joy, birds of mercy
will sing praises in the trees with their angelic voices;
and from the holy skies a mellow chime will come,
and an ineffable light will emerge from behind the
clouds.

PRINCE VSEVOLOD
(in rapture)
Hail to thee, lips of honey

такую мудрость рекшие,
исполать тебе, дубравушка,
красоты такой кормилица!
(Феврония робко и с изумлением глядит на него.)

Гой еси, девица красная,
отвечай по правде-истине:
люб ли я тебе, по нраву ли?
Люб, так кольцами сменяемся.

Феврония

(тихо и сомневаясь)

Милый мой, мне что-то боязно ...
Не чета мне ловчий княжеский ...
(Нерешительно протягивает руки; княжич
надевает ей перстень.)

Княжич Всеволод

Здравствуй, ладошка желанная!
Поцелуемся, обнимемся!
Не стыдися, – в том сорому нет
к жениху невесте ластиться.

Феврония

(простодушно)

Не стыжуся я, мой миленький,
разгорелась я от счастья;
про себя всё думаю думаю:
явь ли то, аль сон несбыточный?
Кабы сон то был несбыточный,
то не пела бы кукушечка,
звонко так не причитала бы.
А и сердце б так не билось ...

Ненаглядный мой, Богом суженый!

За тебя, родной, за тебя, родной,
положу живот; только вымолви –
лягу в гроб жива. А учить тебя
да советовать не по силам мне,
не по разуму, не по силам мне.

Княжич Всеволод

¹¹ Ты голубушка, ты голубушка,
птишка вольная!
Недостойн я чистоте твоей,
недостойн я простоте твоей.
Ты избавь меня от уныния,
дай душе моей радость Божию,
дай душе моей радость Божию.

(В лесу слышится рог. Княжич, откликаясь,
трубит в серебряный рожок, что привешен у
него за поясом.)

Хор

(голоса стрельцов в лесу)

¹² Только вышли стрельцы в поле чистое,
все-то звери по чащам попрятались,
улетали все птицы в поднебесье,
а и некого стало ловить, стрелять.

that have spoken such wisdom,
hail to thee, oak grove,
the provider of such beauty!
(*Fevroniya gazes at him timidly and with a look of
amazement.*)

Hail, fair maiden,
answer me in truth:
do you like me, am I to your taste?
If you like me, let us exchange rings.

FEVRONIYA

(*quietly and hesitatingly*)

My dearest, something alarms me ...
I am no match for a prince's huntsman ...
(*Indecisively she stretches out her hands; the prince
puts a ring on her finger.*)

PRINCE VSEVOLOD

Greetings, my long-awaited beloved!
Let us kiss, let us embrace!
Do not be bashful – there is nothing shameful in
a bride being affectionate to her husband.

FEVRONIYA

(*simple-heartedly*)

I am not bashful, my dearest,
I am flushed with joy;
I keep thinking to myself:
is this real, or is it a dream that will not come true?
If it were a dream that cannot come true
then the cuckoo would not be singing,
she would not be lamenting in such a shrill voice.
And my heart would not be beating so ...
my beloved chosen for me by God!
For you, dearest, for you, dearest,
I shall surrender my life; only say so –
and I'll lie in the grave alive. But I have no strength
to teach or advise you, it is not within my intellect
and I have not the strength to do it.

PRINCE VSEVOLOD

My little dove, little dove,
free bird of the air!
I am not worthy of your purity,
I am not worthy of your simplicity.
Keep me from feeling downcast,
give my soul the joy of God,
give my soul the joy of God.

(*A horn is heard in the forest. The prince responds by
blowing the little silver horn that hangs from his
belt.*)

CHORUS

(*the voices of the marksmen in the forest*)

As soon as the marksmen came out into the open field,
all the beasts hid in the thickets,
and all the birds flew across the sky.
There was nothing to catch, nothing to shoot.

Княжич Всеволод
 Чу! товарищи мои сыскались.
 Расставаться нам пора пришла.
 За хлеб-соль спасибо, да за ласку!
 (звуки рогов, справа)
 А по малом сроке сватов жди.

(Прощаются. Княжич уходит направо.)

Хор
 (ближе)
 Да один-то стрелец был догадливый:
 волком, ястребом хищным обёртывался.

Феврония

13 Ой! Ой, вернися, милый!

Княжич Всеволод
 Что? Что, голубка?

Феврония

(тихо)
 Жутко мне и сладко таково.
 Просится душа к тебе и к людям,
 и палат лесных безмольных жаль,
 жаль зверей моих, жаль тихих дум.

Княжич Всеволод
 В городе престольном воцарясь,
 о пустыне ты жалеть ли будешь?
 А зверей твоих стрелы не тронут,
 будет лес сей навек заповедан.
 Будь здорова. Время восयोся.

(Рога справа и слева. Княжич, отвечая,
 уходит направо. Стрельцы и Федор Поярок
 входят слева.)

Хор
 (на сцене)

14 Выгонял он зверьё в поле чистое,
 из поднебесья птиц всех выпугивал,
 Настреляли стрельцы тут, натешились,
 а товарища и не вспомнили.

Поярок
 (увидав Февронию)

15 Ты отколь взялася, девица?
 Имя как твоё, – не ведаю, –
 не видала ли ты молодца,
 рог серебряный у пояса?

Феврония

(показывая вслед княжичу)
 Был, да вы его настигнете ...
 А скажите, люди добрые:
 как зовут у вас товарища?

PRINCE VSEVOLOD

Hark! My companions are arriving.
 The time has come to part.
 I thank you for your hospitality and for your kindness!
 (the sound of horns from the right)
 Await the matchmakers shortly.

(They bid farewell. The prince goes out to the right.)

CHORUS

(nearer)
 But one of the marksmen was shrewd:
 he turned himself into a wolf, into a predatory hawk.

FEVRONIYA

Oh! Oh, come back, dearest!

PRINCE VSEVOLOD

What? What, my darling?

FEVRONIYA

(quietly)
 I feel anxious and it is a sweet feeling,
 my soul reaches out to you and people,
 and I feel sorry for the silent palaces of the forest,
 sorry for my beasts, sorry for my calm thoughts.

PRINCE VSEVOLOD

In the capital city, elevated to the throne,
 will you feel sorry for your wilderness?
 But the marksmen will not touch your beasts,
 and hunting in this forest will be forever forbidden.
 Good luck. It is time to return.

(Horns to the right and left. The prince replies and
 goes out to the right. The marksmen and Fyodor
 Poyarok enter from the left.)

CHORUS

(on stage)
 He was driving the wild animals into the open field,
 he frightened all the birds out of the skies.
 The marksmen did some shooting and had a good time,
 and they forgot about their companion.

POYAROK

(seeing Fevroniya)
 Where did you come from, maiden?
 What is your name – I don't know –
 but have you seen a dashing lad
 with a little silver horn on his belt?

FEVRONIYA

(pointing in the direction taken by the prince)
 He was here, but you can overtake him ...
 But tell me, good people:
 what is your companion's name?

Поярок
 Что ты? Аль не знаешь, девица?
 Господин то был наш Всеволод,
 князя Юрья чадо милое,
 вместе княжат в стольном Китеже.

Хор
 Вместе княжат в стольном Китеже.

(Феврония всплескивает руками.)

Действие второе

Город Малый Китеж на левом берегу Волги. Площадь с торговыми рядами. Тут же заезжий двор. Повсюду кучками толпится народ в ожидании свадебного поезда. Нищая братия (мужчины и женщины) жмется в сторонке. Около заезжего двора медведчик играет на дудке и показывает ученого медведя. Его обступили мужики, бабы и малые ребята.

106 Медведчик
 Покажи, Михайлушка,
 покажи, дурачливый,
 как звонарь Пахомушка
 в церковь не спеша идет,
 палкой упирается,
 тихо подвигается.

(Медведь плетется, переваливаясь и опираясь на костыль. Народ смеется. Медведчик играет на дудке.)

Хор
 (народ)
 Ха, ха!

Медведчик
 Покажи, Михайлушка,
 покажи, дурачливый,
 как звонарь Пахомушка
 прочь бежит, торопится,
 с колокольни вниз долой,
 поскорей к себе домой.

(Медведь резво бежит вокруг мелкими шажками. Народ смеется. Медведчик играет на дудке)

Хор
 Ха-ха ...

(Появляется Гусляр, – высокий, белый, как лунь, старик и перебирает струны, собираясь петь.)

POYAROK
 What do you mean? Don't you know, maiden?
 That was our master Vsevolod,
 the dear child of Prince Yury;
 they rule together in the capital of Kitez.

CHORUS
 They rule together in the capital of Kitez.

(Fevroniya throws up her hands.)

Act Two

Lesser Kitez on the left bank of the river Volga. A square with trading stalls. There is also a wayside inn. Everywhere people are thronging about in groups waiting for the wedding procession. The poor folk (men and women) are huddled to one side. Near the inn a bear leader plays a fife, showing off his clever bear. He is surrounded by peasants of both sexes and little children.

BEAR LEADER
 Show them, Mikhaylushka,
 show them, playful bear,
 how the bell ringer Pakhomushka
 walks without hurrying to the church,
 leaning on his stick,
 and quietly making his way forward.

(The bear trudges along, waddling about, and leaning on his crutch. The people laugh. The bear leader plays his fife.)

CHORUS
 (the people)
 Ha, ha!

BEAR LEADER
 Show them, Mikhaylushka,
 show them, playful bear,
 how the bell ringer Pakhomushka
 runs off, hurries as he comes
 down the bell-tower,
 and hastens off home.

(The bear playfully runs around taking little steps. The people laugh. The bear leader plays his fife.)

CHORUS
 Ha, ha ...

(The Gusli player appears – he is a tall old man with snow-white hair. He runs his fingers over the strings and prepares to sing.)

Хор
Приумолкните, крещёные!
Призатихните на малый час!
Дайте песню нам повслушать!
Аль святой ерусалимский стих!

Гулярь

17 Из-за озера Яра глубокого
прибегали туры златогорие,
всех двенадцать туров без единого;
и встречалась им старая турица:
“Где вы, детки, гуляли, что видели?”

Хор

Зачиналась песня в Китеже,
повелась от Яра светлого,
от престола князя Юрия.

Гулярь

“Мы гуляли вкруг стольного Китежа,
а видали мы там диво дивное:
что идёт по стене красна девица,
во руках несёт книгу чудесную,
а и плачет, сама заливается.”

Хор

И самим нам плакать хочется.
Песня словно бы не к празднику.
Ох, сулит она безвременье.

Гулярь

Ах вы, детки мои неразумные!
То ходила царица небесная,
то заступница дивная плакала,
что прочла она городу пагубу,
всей земле сей навек запустение.

Хор

(девушки, бабы)

18 Господи, спаси нас и помилуй!
Потерпи ещё греху людскому.
(старики)
И откуда бы напасти взяться?
Тишь да гладь здесь в стороне заволжской.
(молодежь)
Не бояться ж Чуди белоглазой!
А инога враога не знаем.
(старики)
Бог пасёт великий славный Китеж
сырых ради, немощных и нищих.
(нищая братия)
А и тем пристанище бывает,
на земли Ерусалим небесный,
кто душою восскорбя в сём мире,
сердцем взыщет тишины духовной.
(народ)
Всех-то там напоят и накормят,
оботрут слезинки, всех утешат.
(успокаиваясь)

CHORUS

Be silent, Christian folk!
Quieten down for a short while!
Let us listen to a song!
Or some holy verses from Jerusalem!

GUSLI PLAYER

From beyond the deep waters of Lake Yar
golden horned aurochs came running,
in all, twelve aurochs, except one;
and they were met by an old female aurochs:
“Where have you been, my children, what have you
seen?”

CHORUS

The song originated in Kitezh,
it came from the shining waters of Lake Yar,
from the throne of Prince Yuriy.

GUSLI PLAYER

“We were walking around the capital city of Kitezh,
and we saw there a wondrous marvel:
a fair maiden was walking on the wall,
and she carried in her hands a wondrous book,
whilst she herself was weeping floods of tears.”

CHORUS

And we ourselves want to weep.
The song seems ill-timed for the celebrations,
ah, it presages hard times.

GUSLI PLAYER

Ah, my foolish children!
That was the queen of heaven walking there,
that was our wondrous protectress weeping.
She read out to the town its destruction,
and the decimation of this entire land for ever.

CHORUS

(*girls and peasant women*)
God preserve us and have mercy!
Forgive people their sins again.
(*old men*)
Where is this calamity coming from?
All is peace and harmony here in our Volga lands.
(*young folk*)
There is no need to fear those bright-eyed Chuds!
And we don't know any other enemy.
(*old men*)
God protects mighty and glorious Kitezh
for the sake of the orphans, the infirm and the poor.
(*poor folk*)
And for those who grieve in their souls in this world
and with their hearts seek spiritual repose,
the heavenly Jerusalem
will be a refuge in this world.
(*the people*)
Up there everyone receives food and drink,
their tears are wiped away and all are comforted.
(*growing calmer*)

Нет, не будет пагубы на Китеж,
 Бог Господь престольный град не выдаст.
 Без него нам сирым жить невозможно,
 не прожить без князя Юрья вовсе.
 Братцы! Что же свадьба-то не едет?
 Не попритчилось бы что в дороге.

(Медведчик вновь выводит медведя.)

Медведчик
 Покажи, Михайлушка,
 покажи, дурачливый,
 как невеста моется, белится,
 румянится, в зеркальце
 лобуется, прихорашивается!

(Медведчик играет на дудке. Медведь
 ломается, держа в лапах короткую лопатку.
 Народ смеется.)

Народ
 Ха! Ха!

(Приходят Лучшие люди. Медведь пляшет с
 козой.)

Лучшие люди
 (между собою)
 То-то рада голь безродная!
 То-то клики да глумление!
 А и то сказать: ведь шутка ли?
 Все со князем породнились.
 Уж и свадьба, что лиха беда!
 Наши бабы взбеленилися:
 не хотят невесте кланяться –
 мол, без роду да без племени.
 (Из дверей корчмы выталкивают в шею
 Гришку Кутерьму.)
 Вот и бражник Гришка празднует;
 сам себя не помнит с радости.

(Кутерьма, оправившись, выступает вперед.)

Кутерьма
 (лучшим людям)

¹⁹ Нам-то что? Мы ведь люди гулящие,
 ни к селу мы не тянем, ни к городу,
 никому не служили мы с юных лет,
 никто службы на нас не намётывал.
 Кто дал мёду корец, то родной нам отец,
 кто дал каши котёл, тот за князя сошёл.

Лучшие люди
 (Сговариваются между собой.
 Перемигнувшись)

No, destruction will not befall Kitezh,
 the Lord God will not surrender our capital city.
 Without it we orphans could not live.
 Without our Prince Yury we could not survive.
 Brothers! Why is the wedding procession not here?
 Let us hope that nothing has happened on the way.

(The bear leader brings out his bear again.)

BEAR LEADER
 Show them, Mikhaylushka,
 show them, playful bear,
 how the bride washes, and whitens her face,
 how she puts on rouge, admires herself
 in the mirror, and dolls herself up.

*(The bear leader plays his fife. The bear strikes an
 affected pose, holding a trowel in his paws. The
 people laugh.)*

THE PEOPLE
 Ha! Ha!

(Enter the well-off folk. The bear dances with a goat.)

WELL-OFF PEOPLE
(among themselves)
 These destitute poor are perfectly delighted!
 They just shout and make gibes!
 As if to say: it's a joke, isn't it?
 Now everybody is a relative of the prince.
 And this wedding is a real disaster!
 Our women folk have become enraged:
 they don't want to pay homage to the bride –
 people say she has no parents and no clan.
(Grishka Kuter 'ma is thrown out of the tavern doors.)

That reveller Grishka is marking the occasion,
 he is beside himself with joy.

(Setting himself straight, Kuter 'ma steps forward.)

KUTER'MA
(to the well-off folk)

So what is that to us? We are roving people, you know,
 we aren't drawn to the village or the town,
 from our early years we have not been in anyone's
 service,
 and no one has foisted service on us.
 Whoever gives us a scoop of honey is our own father,
 whoever gives us a pot full of gruel is for us a prince.

WELL-OFF PEOPLE
(agreeing among themselves, winking at one another)
 We should give no money to the paupers,

Нам для нишего жалеть казны,
не жалеть её для бражника.
(Кутерьме)
Ты ступай в корчму заезжую,
пей вина, пока душа берёт,
чтоб невесту веселей встречать,
по делом её и честь воздать.
(Дают Кутерьме деньги. Кутерьма
клянётся.)

Хор
(нищая братия к лучшим людям, жалобно)
20 Кормильцы вы милостные,
батюшки родные!
Сошлите нам милостыньку
Господа для ради.
Бог даст за ту милостыньку
дом вам благодатный,
покойным родителям всем
царствие небесное.

(Лучшие люди отворачиваются от нищих.)

Кутерьма
Вы бы нынче мне поклонялись:
я авось вас и пожалую!

Хор
(Кутерьме)
Отвяжись, уйди ты, пьяница!
(запевала)
С кем не велено стреваться?
(заводят песню)
С бражником, с бражником.
Кому всякий посмеётся?
Бражнику, бражнику.
Кто его увидит издали,
отвернётся, посторонится.
Кто в вечерню пляшет, скачет?
Бражники, бражники,
бражники, бражники.
Лба пред сном не перекрестит?
Бражники, бражники,
бражники, бражники.
Пономарь с жезлом на паперти
не пускает в церковь бражников.
А кого бес возмущает?
Бражников, бражников,
бражников, бражников.
К бою, к драке подучает?
Бражников, бражников,
бражников, бражников.
На земли не знать им радости,
царства не видать небесного.
Бражникам, бражникам.

Кутерьма
21 Не видать, так и не надобно.

but we shouldn't spare it for the reveller.
(to Kuter'ma)
You go off to the wayside tavern,
drink as much wine as you want,
so that you can greet the bride more cheerfully,
and do her the honour she deserves.

(They give Kuter'ma some money. Kuter'ma gives a
bow.)

CHORUS
(the poor folk to the well-off folk, plaintively)
Gracious benefactors,
our own dear fathers!
Give us alms
for the love of God.
For these alms God
will grant you a bountiful home
and the kingdom of heaven
for all your deceased relatives.

(The well-off people turn away from the paupers.)

KUTER'MA
If you were to bow down to me now,
perhaps I would reward you too!

CHORUS
(to Kuter'ma)
Leave us in peace, clear off, you drunkard!
(singing beggar)
Who is it that we are forbidden to meet?
(the others take up the song)
The reveller, the reveller.
Who is it that everyone laughs at?
The reveller, the reveller.
Whoever sees him in the distance
will spurn him and shun him.
Who dances and leaps about at vespers?
The revellers, the revellers,
the revellers, the revellers.
Who doesn't make the sign of the cross on his
forehead before bedtime?
The revellers, the revellers,
the revellers.
The sacristan carrying his staff on the porch
doesn't allow the revellers into the church,
and who is it that the devil incites?
The revellers, the revellers,
the revellers, the revellers.
Who is it that he eggs on to fights and scuffles?
The revellers, the revellers,
the revellers, the revellers.
They are not to know joy on earth
and those revellers, revellers
are not to see the kingdom of heaven.

KUTER'MA
If we don't see it, then we don't need it.

Нам ведь к горю привыкать — не стать;
как в слезах на свет родились,
так не знали доли и до поздних лет.
Эх, спасибо хмелю умному!
Надоумил нас он, как на свете жить,
не велел он нам кручиниться,
в горе жить велел да не кручинну быть.
Денег нет мол перед деньгами,
завелась полушка перед злыми дни.
Пропивай же всё до ниточки:
не велик сором нагу ходить.

(Медведчик играет. Медведь с козю пляшут
вновь. Народ толпится около них и смеется.)

Хор
Ха, ха, ха ...
(Нищая братия кланяется проходящим; те не
обращают на них внимания.)
Сошлите нам милостыньку
Господа для ради.
(между собой)
Нам до Китежа б великого добратья:
там уж нас напоят и накормят.
(Отходят в сторону. Из корчмы выходит
Кутерьма навеселе.)

Кутерьма
(Приплясывает и поет. Народ собирается
около него. Лучшие люди посмеиваются,
держась в стороне.)
Братцы, праздник у нас, в сковородки
звонят,
в бочки благовестят, помелами кадят.
К нам невесту везут, из болота тащат;
рядом челядь бежит и без рук и без ног.
А и шуба на ней из мышиных хвостов,
лубяной сарафан и не шит и не ткан ...

(Кутерьму толкают и заставляют
замолчать.)

Хор
(народ)
Уходи ты, окаанный пёс!
Пропади, несъятый пьяница!
Прогоните взашей бражника
со великим со бесчестьем.
(Слышны бубенчики и наигрыши домр.
Народ затихает и прислушивается;
некоторые заглядывают вдаль.)
Эй, ребята! Бубенцы звонят.
(Звук бубенцов и звуки домр мало-помалу
приближаются.)

22 Поезд свадебный стучит-бренчит.
С горки потиху спускаются,

We've got used to our woes – there's no point;
we were born into this world in tears,
and even in old age we don't know our fate.
Ha, thank you, wise drunkenness!
It has shown us how to live in this world,
it has forbidden us to grieve,
it has commanded us to live in sorrow, but not to
grieve.
Money doesn't bow to money, people say,
a quarter-copeck is hanging around for a rainy day.
Squander it all on drink to your last stitch:
it's no great shame to walk naked.

(The bear leader plays. The bear and goat dance
again. The people mill about near them and laugh.)

CHORUS
Ha, ha, ha ...
(The poor folk bow to those passing by; the latter pay
no attention to them.)
Give us alms
for the love of God.
(among themselves)
We should make our way to Greater Kitezh:
people will give us food and drink there.
(They move to one side. Kuter'ma emerges tipsy from
the tavern.)

KUTER'MA
(He skips along singing. The people congregate
around him, the well-off people chuckle, keeping
aloof.)
Brothers! What a festival, they are banging the frying
pans,
they are ringing for the barrels, censuring the
broomsticks,
they are bringing the bride to us, dragging her out of
the marsh;
alongside run her retainers with no hands or legs.
She is wearing a fur coat made of mouse tails,
her lime-bast tunic isn't sewn or woven ...

(They shove Kuter'ma and make him keep quiet.)

CHORUS
(people)
Get away, you accursed dog!
Clear off, you insatiable drunkard!
See the reveller off
in the greatest disgrace.
(The sounds of little bells and domras. The people
quieten down and listen; some stare into the distance.)

Hey lads! I can hear some bells.
(The sounds of the bells and domras gradually get
nearer.)
That knocking and jingling is the wedding procession.
They are coming softly down the hill,

с горки потиху спускаются,
изломать боятся дерево,
дерево ли кипарисное
ту повозку золочёну
со душою красной девицей.

(Въезжают три повозки, запряженные тройками и разукрашенные лентами. В первой гусяры и домрачи, во второй сваты, около них верхом дружок — Федор Поярок, в третьем Феврония с братом. По бокам верхом поезжане, среди них княжий отрок. Все бросились к ним. Народ перегораживает им дорогу алыми и червонными лентами.)

Хор

Ну-ка дружно им заступим путь,
загордим всю дороженьку.
Есть у них чем свадьбу выкупить,
заплатить нам дань немалую.
(нищие бродяги)
Ты Кузьма Демьян, ты святой кузнец,
ты святой кузнец, скуй им свадебку,
скуй им свадебку вековечную,
вековечную, неразрывную.

(Гусяры и домрачи играют. Молодежь отделяется от толпы и с притворною угрозою подступает к поезду.)

Хор

А что за народ ? А что за народ ?
В заставу идёт ? В заставу идёт ?
А что за народ в заставу идёт ?
Незнамых гостей не след пропускать.

Поярок

Мы Богом даны и князем званы,
княгиню везём, гостинцы даём.

(Поярок и поезжане раздают и бросают в толпу пряники, ленты и деньги. Народ теснится.)

Хор

Здравствуй, свет,
свет, княгинюшка,
здравствуй, здравствуй, свет,
свет, Феврония Васильевна!

(Повозка с Февронией останавливается среди площади. Народ толпится около нее.)

Лучшие люди

(между собою)
Ох, проста, проста княгиня-то!
Ей-ли госпожою нашей быть?

they are coming softly down the hill,
they are scared of smashing the wood,
the cypress wood,
the golden cart
with the lovely fair maiden.

(Three carts decorated with ribbons arrive. They are harnessed to teams of three horses. The first carries the matchmakers – nearby Fyodor Poyarok, the best man, is on horseback – and the third carries Fevroniya and her brother. Other men on horseback along the sides. The prince's page is among them. Everyone dashes towards them. The people bar their way with scarlet and dark red ribbons.)

CHORUS

So shall we bar their way together,
so shall we block their path.
They have something to ransom for the wedding,
and pay us a proper tribute.
(the beggarly tramps)
You, Kuz'ma Dem'yan, you are the sacred blacksmith,
you are the sacred blacksmith, forge them a wedding,
forge for them an everlasting wedding,
everlasting and unbreakable.

(The gusli and domra players play. The young people separate from the crowd and, with a feigned threat, come up to the procession.)

CHORUS

What sort of people? What sort of people?
Are entering the town gates? The town gates?
What sort of people are entering the town gates?
We can't let strangers in.

POYAROK

We are God's people and are summoned by the prince
to bring the princess and present gifts.

(Poyarok and the members of the wedding procession distribute honey-cakes, ribbons and money, throwing them into the crowd. The people crowd together.)

CHORUS

Greetings to the lovely
princess,
greetings, greetings
to the lovely Fevroniya Vasil'yevna!

(The cart with Fevroniya stops in the middle of the square. The people throng around her.)

WELL-OFF PEOPLE

(among themselves)
Ha, she's a simple girl, this princess!
Is she going to be our mistress?

Хор

Здравствуй, здравствуй,
свет княгинюшка!
А была досель соседушкой,
нам ровнею порядовою;
ныне будь у нас владычицей,
госпожой садися грозною!

(Охмелевший Кутерьма старается пробраться вперед; мужчины не пускают его и выталкивают. Феврония замечает это.)

Хор

23 Ты отстань да отвяжися, пёс!
Сгинь ты, очи бессоромные!

Феврония

(указывая на Кутерьму)
А за что его вы гоните?

Хор

Это Гришка, окаянный пьяница.

Поярок

Госпожа, не слушай бражника,
с ним беседовать не велено.

Феврония

Не грешите, слово доброе
Богом нам дано про всякого.
Подойди поближе, Гришенька.

(Кутерьма подходит и кланяется.)

Кутерьма

(нахально)
Здравствуй, здравствуй,
свет княгинюшка!
Хоть высоко ты промостилася,
а уж с нами ты не важничай:
одного ведь поля ягоды.

(Кутерьму хотят прогнать, но Феврония останавливает движением.)

Феврония

(смирненно и искренно)
Где уж мне, девице, важничать?
Своё место крепко знаю я
и сама, как виноватая,
(низко кланяется народу)
всему миру низко кланяюсь.

Кутерьма

(продолжая)
Только больно ты не радуйся:
человеку радость в пагубу.
Горе лютое завистливо —

CHORUS

Greetings, greetings,
lovely princess!
You were our neighbour till now,
and just the same as us;
now you'll be our queen,
reign as an awesome mistress!

(The drunken Kuter'ma tries to make his way forward; the men prevent him and push him out. Fevroniya notices.)

CHORUS

Get away, clear off, you dog!
Begone, shameless wretch!

FEVRONIYA

(pointing at Kuter'ma)
Why are you persecuting him?

CHORUS

It's Grisha, an accursed drunkard.

POYAROK

Mistress, do not listen to the reveller,
you must not speak with him.

FEVRONIYA

Do not sin, God allows a good word
to be said for each of us.
Come closer, Grishen'ka.

(Kuter'ma approaches and bows.)

KUTER'MA

(impudently)
Greetings, greetings,
Lovely princess!
You might be perched high up there,
but don't you put on your airs and graces with us:
we're birds of the same feather.

(The people want to chase Kuter'ma away, but Fevroniya stops them with a gesture.)

FEVRONIYA

(humbly and sincerely)
How should I, a maiden, put on airs and graces?
I know my place for certain,
and I myself, as the one who is at fault,
(makes a low bow to the people)
bow low to the entire world.

KUTER'MA

(continuing)
Don't you go rejoicing so heartily:
joy is destruction to mankind.
Bitter grief is envious —

как увидит и привяжется.
Уходи ты во полупире,
скидывай обряды пышные,
горю кланяйся нечистому,
и босому, и голодному.
Он научит, как на свете жить
а и в горе припеваючи.

Поярок
Госпожа, не слушай бражника,
с ним беседовать не велено.

Феврония
(кратко)

24 Помолися, Гриша, Господу,
да Василию угоднику:
он ходатай бедных бражников,
чтоб тебе не пили допяна,
не смешить собой народ честной.

Кутерьма
(озлившись, кричит)
Говорят тебе, не важничай!
Не тебе уж мной гнушаются.
Вот как будешь по миру ходить,
именем святым Христовым жить,
ин сама ещё напросишься,
чтобы взял тебя в занубушки.

(Кутерьму выталкивают прочь с площади.
Замешательство)

Хор
Замолчи ты, окаянный пёс!
Прогоните вшаей бражника!

Поярок
Вы играйте, гусли звонкие,
заводите песню, девушки!

(домры и балалайки на сцене)

Хор
(девушки под наигрыш гуслей и домрачей)

26 Как по мостикам, по калиновым,
как по сукнам да по малиновым,
словно вихорь, несутся комони,
трое санки в стольный град катят.
Играйте, гусли, играйте, сопели,
в первых саночках гусли звончатые,
в других саночках пчёлка ярая,
в третьих саночках душа девица,
свет Феврония Васильевна.
(Девушки разом подходят к княгине и
осыпают ее хмелем и житом.)
Играйте же, гусли, играйте, сопели.
(Отдаленные звуки рогов. Свадебный поезд
отъезжает. Народ, провожая, следует за ним.)
Вот вам буйный хмель, жито доброе,

it attaches itself to whatever it sees.
Leave during the feast,
throw off your sumptuous attire,
and bow down to impure,
barefoot and starving grief.
It will teach you how to live in this world
and in misfortune to be carefree and gay.

POYAROK
Mistress, don't listen to the reveller,
you must not talk to him.

FEVRONIYA
(meekly)

Pray to the Lord, Grisha,
and to Saint Vasily:
He intercedes for poor revellers,
so that you should not get drunk
and make yourself the object of people's laughter.

KUTER'MA
(shouts, embittered)
Don't put on airs and graces, I said!
It is not for you to disdain me.
When you walk through the world,
living by the holy name of Christ,
you will demand that
I make you my sweetheart.

(Kuter'ma is pushed off the square.
Confusion)

CHORUS
Shut up, you accursed dog!
Chase the reveller away!

POYAROK
Strike up, you guslis in ringing tones,
start up a song, you girls!

(domras and balalaikas on stage)

CHORUS
(girls to the playing of the guslis and domras)
Over the bridges of guelder-tree,
over the crimson cloth,
the horses speed like a whirlwind.
Three sledges glide into the capital city.
Play, you guslis, play, you pipes.
In the first sledge are guslis with their ringing tones,
in the second sledge, the busy bee,
in the third, the lovely maiden,
Fevroniya Vasil'yevna.
(The girls approach the princess all together and
shower her with hops and corn.)
Play, you guslis, play, you pipes.
(Distant sounds of horns. The wedding procession
moves off. The people see it off, following behind.)
Here's intoxicating hops for you and good corn,

чтоб от жита вам пребогато жить,
 чтоб от хмеля вам веселей пробить ...
 (Отдаленные звуки рогов. Песня обрывается.
 Народ прислушивается.)
 (несколько мужиков)
 Тише, братцы, – затрубили трубы ...
 Кони ржут, возы скрипят гораздо ...
 Что за притча? Ровно бабы воют ...
 Дым столбом встал над концом торговым.

(Начинается смятение. Вбегает перепуганная толпа мужчин и женщин.)

1-я толпа
 Ой, беда идёт, люди,
 ради грех наших тяжких!
 И не будет прощенья,
 до единого сгинем.
 Нам незнамый доселе
 и неслыханно лютый
 ныне ворог явился,
 из земли словно вырос.
 Попущением Божиим
 расседалися горы,
 расседалися горы
 и нездешнюю силу выпускали,
 выпускали на вольный свет.

(Вбегает вторая толпа, еще более перепуганная)

2-я толпа
 Ой, беда идёт, люди,
 ради грех наших тяжких!
 И не будет прощенья,
 до единого сгинем.
 Да то бесы, – не люди,
 и души не имеют,
 Христа-Бога не знают
 и ругаются церкви.
 Всё огнём пожигают,
 всё под меч свой склоняют,
 красных девок соромят,
 малых деток на части рвут.

(Вбегает третья толпа в полном отчаянии.)

3-я толпа
 Ой, беда идёт, люди,
 ради грех наших тяжких!
 И не будет прощенья,
 до единого сгинем.
 Ой, куда же бежать нам?
 Ой, и где ж схорониться?
 Темень тёмная, спрячь нас,
 горы, горы, сокройте.
 Ой, бегут, догоняют,
 по пятам наступают;
 по пятам наступают,

so that you will have a life of wealth from the corn,
 and so that you will be happier from the hops ...
 (*Distant sound of horns. The song breaks off. The
 people listen.*)
 (*a few men*)
 Be quiet, brothers – it's the sound of trumpets ...
 Horses are neighing, wagons are screeching ...
 What can this be? It's just like women wailing ...
 A column of smoke has risen over the trading quarter.

(*Turmoil sets in. A terrified crowd of men and women
 runs in.*)

FIRST CROWD
 Oh, disaster is nigh, people,
 on account of our grievous sins!
 And there will be no forgiveness,
 we shall perish to the last man.
 A hitherto unknown
 and bitter enemy without precedent
 has now appeared.
 It is as if it had sprouted out of the earth.
 By the will of God
 the mountains have cracked open,
 the mountains have cracked open
 and sent forth a force not of this world,
 they have set it free.

(*A second crowd runs in, even more frightened.*)

SECOND CROWD
 Oh, disaster is nigh, people,
 on account of our grievous sins!
 And there will be no forgiveness,
 we shall perish to the last man.
 They are demons, not people,
 they have no soul,
 they do not recognize our Lord Christ,
 and they desecrate our churches.
 They put everything to the torch,
 they lay everything low with their swords,
 they bring shame on our fair maidens
 and tear our little children into pieces.

(*A third crowd runs in in utter despair.*)

THIRD CROWD
 Oh, disaster is nigh, people,
 on account of our grievous sins!
 And there will be no forgiveness,
 we shall perish to the last man.
 Oh, where shall we flee?
 Oh, where shall we hide?
 Shades of darkness, hide us,
 mountains, mountains, conceal us.
 Oh, they are running, catching up,
 they are hot on our heels;
 hot on our heels,

ближе, ближе ... спасайтесь!
Ох, уж вот они, ох, уж вот они!
Ой!

(Показываются татары в пестрых одеждах. Народ в ужасе разбегается и прячется, где только возможно. Толпа татар с кривыми мечами и шестоперами прибывает. Татары гонятся и отыскивают перепуганных жителей и убивают их.)

Татары
(Несколько татар волокут за собой Февронию.)

26 Гайда! Гай! Гайда! Гай, гай!
Гайда! Гайда!

(Въезжают на конях богатыри татарские Бедяй и Бурундай.)

Бедяй
(татарам)
Чего жалеть? До смерти бейте!

Бурундай
(указывая на Февронию)
А ту живьём хватайте девку!
(Богатыри останавливаются и слезают с коней.)
Такой красы в степи не будет,
свезём в Орду цветок болотный.

(Февронию окручивают верёвкой.)

Бедяй
Эх, зол народ!

Бурундай
Хоть жилы тянут, а он молчит.

Бедяй
Пути не скажет.

Бурундай & Бедяй
Их стольный город не найти нам.

Бедяй
А славен, бают, большой Китеж!
Одних церквей там Божьих сорок;
в них сметы нет серебра да золота,
а жемчуга гребни лопатой.

(Несколько татар втаскивают обезумевшего от страха Кутерьму.)

Хор
(татаре)
Гайда! Гай!

nearer, nearer ... save us!
Ah, here they are, here they are!
Ah!

(Tartars appear in brightly coloured costumes. In horror the people run in different directions and hide wherever they can. A mass of Tartars with curved swords and maces arrive. The Tartars pursue and seek out the terrified inhabitants and kill them.)

TARTARS
(Several Tartars drag Fevroniya behind them.)

Gayda! Gay! Gayda! Gay, gay!
Gayda! Gayda!

(The Tartar warriors Bedyay and Burunday ride in on horses.)

BEDYAY
(to the Tartars)
Why spare them? Beat them to death!

BURUNDAY
(pointing at Fevroniya)
But take that girl alive!
(The warriors stop and climb down from their horses.)
There will be no such beauty in the steppes,
let us take this marsh flower to the Horde.

(Fevroniya is bound with rope.)

BEDYAY
Ha, a nasty people!

BURUNDAY
Even though we put them on the rack, they won't speak.

BEDYAY
They will not show the way.

BURUNDAY AND BEDYAY
We are not to find their capital city.

BEDYAY
Greater Kitezh, they say, is a glorious city,
in churches alone they have forty;
there is untold silver and gold,
and you can rake the pearls by the spadeful.

(A few Tartars drag in Kuter'ma, who is deranged with fear.)

CHORUS
(Tartars)
Gayda! Gay!

Бедяй

Ага! Ещё один остался.

Кутерьма

Пощадите, ой, помилуйте,
вы князя мурзы татарские!
Ой, на что вам бражник надобен?
Пощадите, ой, помилуйте!

Бурундай

Так и быть, тебя помилуем ...

Бедяй

... золотой казной пожалуем.

Бурундай & Бедяй

[27] Сослужи лишь службу верную:
рать Батыеву тропой веди,
той тропой лесной незнаемой,
через четыре речки быстрые,
в стольный ваш великий Китеж град.

Феврония

(Кутерьме)

Ой, держися крепче, Гришенька.

Бедяй

(грозит ей)

Ты, красавица, молчи, молчи!

Кутерьма

(в чрезвычайном волнении, про себя)
Ой, ты горе, мой лукавый бес!
Учишь, горе, как богато жить,
да не токмо грабить, аль убить, —
на погибель целый град отдать,
как Иуде, мне Христа продать.
Хоть не верю я ни в сон, ни в чох,
не под силу Гришке грех такой.

Бурундай

Ты что ж молчишь, не разумеешь?

Бедяй

А не пойдёшь, так рад не будешь.

Бурундай & Бедяй

(спокойно)

Ясны очи вон повынем,
твой речист язык отрежем,
кожу прочь сдерём с живого,
на жару тебя поджарим ...
Ну, а там живи, гуляй, коль хочешь.

Кутерьма

(про себя; в страшной борьбе)
Смерть моя! Как быть? Что делать мне?

Бедяй

Он всё молчит.

BEDYAY

Aha! Another one is left.

KUTER'MA

Spare me, oh, have mercy,
Tartar Princes!
What do you need a reveller for?
Spare me, oh, have mercy!

BURUNDAY

Very well, we shall spare you ...

BEDYAY

... we shall reward you with a golden treasury.

BURUNDAY AND BEDYAY

Show us loyal service:
lead Batu's army along that path,
along that unknown forest path,
across four swift streams
to your capital city of Greater Kitezh.

FEVRONIYA

(to Kuter'ma)

Be firm, Grishen'ka.

BEDYAY

(threatening her)

Be silent, be silent, beautiful maiden!

KUTER'MA

(in extreme agitation, to himself)
Oh, grief, my sly demon!
Teach me, grief, how to live a rich life,
not just to steal, but to kill —
surrendering the entire city to its destruction,
like Judas, I am to sell Christ.
I may not believe in anything,
but Grishka is not up to such a sin.

BURUNDAY

Why are you silent, don't you understand?

BEDYAY

If you don't come with us, you'll be sorry.

BURUNDAY AND BEDYAY

(calmly)

We'll pull out those bright eyes of yours,
we'll cut off that garrulous tongue of yours,
we'll skin you alive,
and roast you over a fire ...
If you are alive after that, you can go if you please.

KUTER'MA

(to himself; in terrible strife)
My death! What am I to do?

BEDYAY

He still does not speak.

Бурундай
Берите дурня!

BURUNDAY
Seize the fool!

Хор
(бросаются на Кутерьму гурьбой)
28 Гайда! Гай!

CHORUS
(throwing themselves on Kuter'ma in a crowd)
Gayda! Gay!

Кутерьма
(вне себя)
Стойте, нехристи безбожные!
(с великой тоской, тихо)
Мук боюсь ...
(с отчаяньем; решительно)
Ин быть по-вашему.
Поведу вас, лютых ворогов,
хоть за то мне век проклятым быть,
а и память моя вечная
со Иудой заодно пойдёт.

KUTER'MA
(beside himself)
Stop, you godless heathens!
(with great anguish, quietly)
I am afraid of torture ...
(in despair; decisively)
Have your way.
I'll take you there, bitter enemies,
even though I shall be cursed an age for it,
and people will for ever
speak of me in one breath with Judas.

Хор
(радостный смех татар)
Ха, ха, ха ...

CHORUS
(joyful laughter of the Tartars)
Ha, ha, ha ...

Бедяй
Давно бы так.

BEDYAY
Not before time.

Бурундай & Бедяй
(татарам)
На Китеж, воеводы!

BEDYAY AND BURUNDAY
(to the Tartars)
Onwards to Kitezh, commanders!

(Бедяй и Бурундай садятся на коней и
отъезжают. Все уходят понемногу.)

*(Bedyay and Burunday get onto their horses and go
off. Little by little all depart.)*

Хор
Гой!
Лютой казнью мы на Русь идём,
грады крепкие с землёй сравним,
Божьи церкви все огнём спалим,
старых, малых до смерти убьём,
кто в поре — того в орду сведём.

CHORUS
Goy!
We are marching on Rus like a bitter punishment,
we shall raise their mighty cities to the ground,
we shall put all their holy churches to the torch,
we shall put young and old to death,
whoever are in their prime we'll take into the Horde.

(Уходят. Последними остаются Феврония со
стражей. Часть стражи снаряжает повозку,
чтобы посадить на нее Февронию.)

*(They depart. The last to leave are Fevroniya and her
guards. Some of the guards fit out the cart to seat
Fevroniya in it.)*

Феврония
(молясь)
Боже, сотвори невидим Китеж град,
а и праведных, живущих в граде том.

FEVRONIYA
(praying)
O God, make the city of Kitezh invisible
and the righteous people living in it.

(Её тащат к повозке.)

(They drag her towards the cart.)

CD 2

Действие третье

Картина I

Китеж Великий. В самую полночь весь народ, от старого до малого, с оружием в руках собрался за оградой Успенского собора. На паперти князь Юрий и княжич Всеволод, кругом них дружина. Все обступили Федора Поярка, который стоит, опустив голову, об руку с отроком.

Поярок

1 Здравы будьте, люди китежане.

Хор

(народ)

Будь тебе добро у нас, Поярок.

Поярок

Где же князь, мой господин, где княжич?
Люди добрые, уж покажите

Хор

Что ты? Здесь стоят перед тобою.

Поярок

Потемнел Господень свет, не вижу.

Княжич Всеволод

(подходит и вглядывается ему в лицо)
Фёдор! Друже! Слеп ты!

Поярок

Тёмен, княже.

Хор

Господи помилуй!

Кто же лиходей твой?

Фёдор! Друже! Горемыка тёмный!

Ой, не мешкай, молви, что за вести.

Поярок

Слушайте, честные христиане!

Вы врага не чуяли доселе ...

Хор

(Народ прерывает.)

Нет, не ведали, не знали, Фёдор.

Поярок

(продолжает)

Ныне же Господним попусеньем
на беду содеялось нам чудо.

(Федор собирается с духом.)

Хор

2 Фёдор! Друже! Горемыка тёмный!

Ой, не мешкай, молви, что за чудо.

Act Three

Scene 1

Greater Kitezh. Midnight. All the people, young and old, with weapons in their hands, have gathered outside the fence of the Cathedral of the Assumption. On the porch stand Prince Yuri and the young prince Vsevolod, surrounded by their retinue. Everyone is clustering around Fyodor Poyarok, who stands with his head lowered, hand in hand with a page.

POYAROK

Good fortune to you, citizens of Kitezh.

CHORUS

(the people)

And we wish you well, Poyarok.

POYAROK

Where is the prince, my lord, where is his son?
Good people, point them out to me.

CHORUS

What do you mean? They are standing in front of you.

POYAROK

God's light has gone out, I cannot see.

PRINCE VSEVOLOD

(approaches and looks into his face)
Fyodor, my friend! You are blind!

POYAROK

It's dark, my prince.

CHORUS

Lord have mercy!

Who did this?

Fyodor! Friend! Victim of the darkness!

Oh, don't dally, tell us the news.

POYAROK

Listen, honest Christians!

You have not known such an enemy before ...

CHORUS

(interrupting)

No, we did not know, Fyodor.

POYAROK

(continuing)

Now by the will of God
a miracle has occurred to our misfortune.
(Fyodor takes heart.)

CHORUS

Fyodor! Friend! Victim of the darkness!

Oh, don't dally, tell us what this miracle is.

Поярок
(торжественно)
Расступилась мать сыра земля,
расседалась на две стороны,
выпускала силу вражью.
Бесы, люди ли, неведомо:
все как есть в булат закованы,
с ними сам их нечестивый царь.

Хор
Фёдор! Друже! Горемыка тёмный!
Ой, не мешкай, молви поскорее,
велика ли рать идёт царёва.

Поярок
Много ль счётом их, не ведаю;
а от скрипу их тележного
да от ржання борзых комоной
за семь вёрст речей не выслушать;
а от пару лошадиного
само солнышко померкнуло.

Хор
Ой, земля сырая, наша мати,
чем тебя мы прогневили, дети,
что наслала нам невзгоду злую? Ой!
Фёдор! Друже! Горемыка тёмный!
Ой, не мешкай, молви по порядку,
устоял ли брат наш меньший Китеж?

Поярок
Взят без боя с велим соромом.
Князя Юрья в граде не обретши,
распалились гневом нечестивцы.
Муками всех жителей терзали,
путь на стольный град у всех пытая ...
И сносили молча даже и до смерти.

Хор
Бог ещё хранит Великий Китеж.

Поярок
Ох, единый человек нашёлся,
тех мучений злых стерпеть не могший,
и поведал путь царю Батыю.

Хор
Горе окаянному Иуде!
В свете сем и будущем погибель!

Княжич Всеволод
Фёдор! Друже! Горемыка тёмный!
Молви только мне: жива ль княгиня?

Поярок
Ох, жива ... да лучше бы не жить.

Княжич Всеволод
В полону она? В неволе горькой?

POYAROK
(solemnly)
Damp mother earth has opened up,
she has split into two.
And has sent forth an evil force.
Whether it's people or demon, I cannot say:
all of them are forged into damask steel,
and with them their impious king himself.

CHORUS
Fyodor! Friend! Victim of the darkness!
Oh, don't dally, tell us quickly,
whether that kingly army is a great one.

POYAROK
I do not know whether they are great in number;
but from the screeching of their wagons
and the neighing of their swift horses
you cannot hear people speaking for seven versts;
the sun has grown dim
from the steam rising from their horses.

CHORUS
Oh, the damp earth, our mother,
how have we, your children, angered you
that you have sent to us bitter misfortune? Oh!
Fyodor! Friend! Victim of the darkness!
Oh, don't dally, tell us truthfully,
did our brother Lesser Kitezh hold out?

POYAROK
It was taken without a fight and in great shame.
Not finding Prince Yury in the city,
the heathens became incensed.
They put all the inhabitants to torture,
they tortured them to learn of the road to the capital
city ...
And they bore it silently unto death itself.

CHORUS
God still preserves Greater Kitezh.

POYAROK
Ah, one person remains,
unable to bear their dreadful torments.
He has revealed the road to Khan Batu.

CHORUS
Woe to the accursed Judas!
In this world and in the next, death to him!

PRINCE VSEVOLOD
Fyodor! Friend! Victim of the darkness!
Just tell me: is the princess alive?

POYAROK
Yes, alive ... but better she were dead.

PRINCE VSEVOLOD
Is she in captivity? In bitter captivity?

Поярок
Господи, прости ей согрешенье:
что творила, знать, не разумела!
К нам врагов ведёт сюда княгиня.

- 4 Княжич Всеволод
Как? Как, она?
Ох, Господи помилуй!

(В отчаянье закрывает лицо руками.
Молчание)

Поярок
А меня, схватив, смеялись много ...
После, ослепив, гонцом ушли
с отроком сим малым к князю Юрию.
“Разорим дотла мы стольный град,
стены крепкие с землёй сравним,
Божьи церкви все огнём спалим,
старых, малых смерти предадим,
кто в поре, — мы тех в полон возьмём,
во полон возьмём, в Орду сведём,
добрых молодцев станицами,
красных девок веренищами.
Не велим им в Бога веровать,
в вашу веру во спасеную,
а велим им только веровать
в нашу веру некрещеную.”

Хор
Ох, смутилось сердце, братья!
Хочет быть беда великая.

- 5 Князь Юрий
О, слава, богатство суетное!
О, наше житье маловременное!
Пройдут, пробегут часы малые,
и ляжем мы в гробы сосновые.
Душа полетит по делам своим
пред Божий престол на последний суд,
а кости земле на предание
и тело червям на съедение.
А слава, богатство куда пойдут?
О, Китеж мой, мать городам всем!
О, Китеж, краса незакатная!
На то ли тебя я повыстроил,
среди тёмных лесов непроходных?
В гордыне безумной мне думалось:
навек сей город созиждется,
пристанище благоутишное
всем страждущим, алчущим, ищущим ...
Китеж, Китеж! Слава где твоя?
Китеж, Китеж! Где птенцы твои?
(отроку)
Отрок малый, ты моложе всех,
ты взойди-ка на церковный верх,
погляди на все четыре стороны,
не даёт ли Бог нам знаменья.

(Отрок вбегает на колокольню и
оглядывается на все четыре стороны.)

POYAROK
Lord, forgive her trespass:
she evidently did not understand what she was doing!
The princess is leading the enemies to us here.

PRINCE VSEVOLOD
How? How can it be her?
O God, forgive me!

(Covers his face with his hands in despair.
Silence)

POYAROK
They seized me, and laughed a great deal ...
They blinded me and sent me as a messenger
with this young page to Prince Yuri.
“We shall destroy the capital city entirely,
we shall raise those solid walls to the ground,
we shall put all your holy churches to the torch,
and we shall kill the young and old.
We shall take those in their prime as captives,
as captives, we shall take them to the Horde,
set your fine young men to be minions,
and your fair maidens to be our servants.
We shall forbid them to believe in God
and in the faith of resurrection.
We shall command them only to believe
in our heathen faith.”

CHORUS
Our hearts are confounded, brothers!
There promises to be dire distress.

PRINCE YURIY
O glory, vain wealth!
Ah, our lives are so short!
The brief hours pass by so quickly,
and we shall be laid in pine coffins.
Our souls will fly forth as we deserve,
to the final judgement before God's throne,
whilst our bones are committed to the earth,
and our bodies are left as food for the worms.
Glory and wealth, where do they go?
O my Kitezh, the mother of all cities!
O Kitezh, whose beauty will never set!
Was it for this that I built you
amid the dark and impenetrable forests?
In my demented pride I thought
this city was being founded for all time,
a haven and a refuge
for all who suffer, thirst and seek ...
Kitezh, Kitezh! Where is your glory?
Kitezh, Kitezh! Where are your fledglings?
(to the page)
Page, you are younger than anyone.
Climb up to the top of the church
and keep watch in all four directions;
see whether God will send us a sign.

(The page runs to the bell-tower and looks around in
all directions.)

Поярок, Князь Юрий & Хор
 6 Чудная небесная царица,
 наша Ты заступница святая!
 Милостью великой не остави!

Отрок
 7 Пыль столбом поднялась до неба,
 белый свет весь застилается.
 Мчатся комони ордынские,
 скачут полчища со всех сторон;
 их знамёна развеваются,
 их мечи блестят булатные.
 Вижу, как бы Китеж-град горит:
 пламя пышет, искры мечутся,
 в дыме звёзды все померкнули,
 само небо загорелось ...
 Из ворот река течёт,
 вся из крови неповинных ...
 И витают враны чёрные,
 тёплой кровью упиваются ...

Князь Юрий
 8 Ох, страшна десница Божия!
 Гибель граду уготована,
 нам же меч и смерть напрасная.
 (народу)
 Братия! К Владычице взмолитесь,
 Китежа заступнице небесной.

Княжич Всеволод, Поярок, Князь Юрий &
 Хор
 Чудная небесная царица,
 наша Ты заступница благая,
 милостью небесной не остави,
 Китеж-град покрой своим покровом.

Отрок
 (печально)
 9 Горе, горе граду Китежу!
 Без крестов церковны маковки,
 без князей высоки теремы;
 по углам стен белокаменных
 бунчуки висят косматые;
 из ворот в Орду коней везут,
 с чистым серебром возы везут.

Князь Юрий
 10 Быти Китежу разграблену,
 а живым по дань нам ятися.
 Ох, позор тот хуже пагубы!
 (народу)
 Взмолимтесь заступнице еше раз,
 плачьте все от мала до велика,
 плачьте все кровавыми слезами.

(Все упадают ниц.)

Хор
 11 Чудная небесная царица,

POYAROK, PRINCE YURY AND CHORUS
 Wondrous queen of heaven,
 our holy protectress!
 In your great mercy do not abandon us!

PAGE
 A column of dust has risen up to the sky,
 the light of day is being dimmed.
 The horses of the Horde are speeding,
 the multitudes are galloping on all sides;
 their banners are fluttering,
 their swords of damask steel are sparkling.
 I see, it is as if the city of Kitezh were burning:
 the flames blaze up, the sparks are flying about,
 and in the smoke all the stars have grown dim,
 the sky itself has caught alight ...
 From the gates flows a river
 of innocent blood ...
 And the black ravens hover
 intoxicated by the warm blood ...

PRINCE YURY
 Oh, terrible is the right hand of God!
 The destruction of the city is prepared,
 and the sword and an unjust death await us.
 (to the people)
 Brothers! Pray to the Virgin,
 the heavenly protectress of Kitezh.

PRINCE VSEVOLOD, POYAROK, PRINCE YURY AND
 CHORUS
 Wondrous queen of heaven,
 you are our good protectress,
 in your heavenly grace do not abandon us.
 Shield the city of Kitezh with your veil.

PAGE
 (sorrowfully)
 Woe, O woe to the city of Kitezh!
 Deprived of the crosses are the church cupolas
 and the lofty towers of the princes;
 shaggy staffs of office
 hang at the corners of the white-stoned walls;
 horses are being led from the gates to the Horde,
 carts take away the pure silver.

PRINCE YURY
 Kitezh looted
 and us taken alive as a tribute,
 oh, the shame is worse than destruction!
 (to the people)
 Pray to our protectress again,
 let everyone from young to old lament,
 let everyone lament with tears of blood.

(All prostrate themselves.)

CHORUS
 Wondrous queen of heaven,

наша Ты заступница благая,
Китеж-град покрой своим покровом.
Смилуйся, небесная царица,
ангелов пошли нам в оборону.

Отрок

Пусто шоломя, окатисто
что над светлым Яром-озером,
белым облаком одеяно,
что фатую светоносную.
В небе ж тихо, ясно, благостно,
словно в светлой церкви Божией.
(сходит)

Князь Юрий

12 Да свершится воля Божия,
и исчезнет град с лица земли.

Княжич Всеволод

Ой же ты, дружина верная!
Умирать нам лепо ль с жёнами,
за стенами укрываючись,
не выдав врага лицом к лицу?
В сердце имемся единое,
выйдем воруго во сретенье,
за хрестьян, за веру русскую
положить свои головушки.

Хор

За тобою, княжич, за тобою!

Княжич Всеволод

Княже Юрий, отпусти нас в поле!

Князь Юрий

Дай вам Бог скончаться непостыдно,
к лику мученик причтенным быти.

(Благословляет княжича и дружину.

Дружинники прощаются с женами и выходят
с княжичем из города, запевая песню.)

Княжич Всеволод

13 Поднялася с полуночи ...

Княжич Всеволод & Хор

Поднялася с полуночи
дружинушка хрестьянская,
молилася, крестилася,
молилася, крестилася,
на смертный бой готовилася.
Прости, прощай, родная весь,
(проходят за оградю)
прости, прощай, родная весь!
Не плачь же ты, семеюшка:
(за стенами)
нам смерть в бою написана,
нам смерть в бою написана,
а мёртвому сорому нет.

you are our good protectress,
shield the city of Kitezh with your veil.
Take pity, O queen of heaven,
send your angels to defend us.

PAGE

The heavenly heights are deserted,
the bright waters of Lake Yar
are swathed in a white mist,
like a bridal veil radiating light.
The skies are calm, bright and soft,
as in God's radiant church.
(comes down)

PRINCE YURY

God's will be done,
our city shall disappear from the face of the earth.

PRINCE VSEVOLOD

Oh, my faithful retinue!
Is it fitting for us to die with our wives
hiding behind these walls,
without having seen the enemy face to face?
Let us be of one heart,
let us go forth to meet the enemy,
for Christendom, for the Russian faith,
and there give up our lives.

CHORUS

We are with you, prince, with you!

PRINCE VSEVOLOD

Prince Yury, let us go into the field!

PRINCE YURY

May God grant you die without shame
and be numbered among the martyrs.

(He blesses the young prince and his retinue. The men bid farewell to their wives and leave the city with the prince. They start up a song.)

PRINCE VSEVOLOD

It rose up at midnight ...

PRINCE VSEVOLOD AND CHORUS

It rose up at midnight
that Christian army,
it prayed and made the sign of the Cross,
it prayed and made the sign of the Cross,
and prepared itself for deadly battle.
Forgive us and farewell, our native village,
(they pass beyond the fence)
forgive us and farewell, our native village!
Do not weep for us:
(beyond the walls)
death in battle is ordained for us,
death in battle is ordained for us,
and for the dead there is no shame.

(далее)
 Нам смерть в бою написана ...
 Нам смерть в бою ...

(Светлый, с золотистым блеском, туман тихо
 сходит с темного неба, — сначала прозрачен,
 потом гуще и гуще.)

Хор
 (народ)
 14 Что ж стоим мы, сёстры?
 Смертный час уж близок ...
 Как же умирать-то,
 не простясь друг с другом?
 Сёстры, обнимитесь;
 пусть сольются слёзы.
 А те слёзы наши
 с радости, не с горя.
 (Сами собой тихо загудели церковные
 колокола.)
 Чу! Колокола все
 сами загудели,
 как бы то от многих
 веющих воскрылий.
 Ангелы Господни
 ныне здесь над нами.

Отрок
 Очи застилает некой пеленою.

Князь Юрий
 Как бы дым кадилный
 к нам с небес снисходит.

Хор
 Дивно: град облекся
 в светлую одежду.
 Все полком,
 полком идёмте,
 идёмте, сёстры,
 в храм соборный,
 да в Господнем доме
 мук венец приемлем.

Отрок
 Чуду днесь Господню
 подивимся, сёстры!

Князь Юрий
 Бог Господь покровом
 Китеж покрывает.

Хор
 15 А туман всё гуще ...
 Где мы, где мы, сёстры?

Князь Юрий & Хор
 Та откуда радость,
 светлая откуда?

(more distantly)
 Death in battle is ordained for us,
 death in battle ...

(A bright mist with a golden gleam silently descends
 from the dark sky – at first it is translucent, then
 becomes thicker and thicker.)

CHORUS
 (the people)
 What are we standing about for, sisters?
 The hour of death is nigh ...
 How can we die
 without bidding one another farewell?
 Sisters, let us embrace one another;
 let our tears flow together.
 And our tears
 are of joy, not of sorrow.
 (The church bells start knelling of their own accord.)
 Listen! All the bells
 have started knelling of their own accord,
 as if brushed
 by a multitude
 of fluttering wings.
 The angels of the Lord
 are with us now.

PAGE
 My eyes are covered with a kind of shroud.

PRINCE YURY
 It is like incense
 coming down to us from heaven.

CHORUS
 It is marvellous: our city
 is shrouded in radiant attire.
 Let us go
 in a mass,
 let us go, sisters,
 to the cathedral,
 and in the house of God
 let us accept the crown of thorns.

PAGE
 This day, sisters,
 we shall marvel at God's miracle!

PRINCE YURY
 Our Lord God
 is shielding Kitezh with his cloak.

CHORUS
 The mist is becoming thicker ...
 Where are we, where are we, sisters?

PRINCE YURY AND CHORUS
 Where does this joy come from,
 where does this radiant joy come from?

Смерть ли то приходит,
новое ль рождение?

Отрок
Возликуйте, люди,
пойте Богу славы!
Он трезвоном чудным
к нам с небес вызывает.

Поярок & Князь Юрий
Бог Гоподь сим звоном
к нам с небес вызывает.

(Всё заволакивается золотистым туманом.)

Облачный занавес

Переход ко второй картине
16 “Сеча при Керженце”

Картина II
Занавес. В дубраве на берегу озера Светлого Яра темь непроглядная. Противный берег, где стоит Великий Китеж, окутан густым туманом. Кутерьма с богатырями Бедаем и Бурундаем, пробираясь сквозь чащу кустарника, выходят на поляну, идущую к озеру.

17 Кутерьма
Вот дубрава та, вот озеро,
Светлый Яр у нас зовомое,
а сам Китеж-то великий град
на противном берегу стоит.
(Богатыри вглядываются в темноту.)

Бурундай
Лжѣшь ты, пѣс!
Там мелкий ельничек,
молодой растѣт березничек.

Бедяй
И места пустым-пустынные.

Кутерьма
Али звона вы не слышали,
что гудел во всю дороженьку,
языком тем колокольным
словно бил по сердцу самому.

(Мало-помалу сходятся татары. Ввозят возы с награбленным добром.)

Хор
(татары)
Ой, ты Русь, земля проклятая!
Нет дороги прямоезжия.
Да и тропочки завалены
всѣ пеньѣм, колодьѣм, выскорью.

Is death passing us by,
is this a rebirth?

PAGE
Rejoice, O people,
praise the Lord!
Through this wondrous pealing
He calls to us from heaven.

POYAROK AND PRINCE YURY
Through this pealing
the Lord calls to us from heaven.

(Everything is shrouded in a golden mist.)

Mist floods the stage

Entr'acte to the second scene
“The Battle near Kerzhenets”

Scene 2
Curtain. An oak grove on the banks of Lake Yar. It is pitch dark. The opposite bank, where Greater Kitezhs is situated, is shrouded in a dense mist. Kuter'ma with the warriors Bedyay and Burunday make their way through a thicket and emerge into a glade that leads to the lake.

KUTER'MA
Here is the oak grove, and here is the lake
that we call the Radiant Yar.
The city of Greater Kitezhs itself
is on the opposite bank.
(The warriors gaze into the darkness.)

BURUNDAY
You are lying, you dog!
Over there is a small fir grove,
there grows a young birch forest.

BEDYAY
The place is absolutely deserted.

KUTER'MA
Didn't you hear the bells
which knelled along the entire path?
The bell-clapper seemed to beat
directly in my heart.

(Gradually the Tartars come down. They drive in carts with looted goods.)

CHORUS
(Tartars)
Oh, Rus, you accursed land!
You don't have any practicable roads
and all the pathways are cluttered
with tree stumps, logs and fallen trees.

А степные наши комони
о коренья спотыкаются.
От туману, от болотного
дух татарский занимается.
Хоть побили рать хоробрую,
третий день всё бродим попусту.
(Кутерьме)
Обморочил нас ты, пьяница,
нас завёл в места безлюдные!
(С угрозами окружают Кутерьму; тот
бросается к ногам богатырей.)

Кутерьма
Ой, помилуйте, богатыри!

(Бурундай и Бедяй останавливают татар.)

Бедяй
Не бойся! Мы тебя не тронем,
а к дереву привяжем крепко
и солнышка дождёмся,
а там, как быть с тобой, увидим.

Бурундай
И коль не вовсе место пусто,
стоит на бреге большой Китеж,

Бурундай & Бедяй
тебе с плеч голову отрубим:
не изменяй родному князю.

(Въезжает телега, на которой сидит в
безмолвной тоске Феврония.)

Бурундай
А коль нас без толку морочил,
завёл в безлюдную пустыню,
ох, горше смерти будут муки!
(Кутерьму схватывают и привязывают к
дереву.)
Зол народ!

(Татары рассаживаются на земле, разводят
костры, другие выносят всякую добычу и
раскладывают в отдельные кучи.)

Бедяй
А жалко княжича!
Сорок ран, а жив не отдался.

Бурундай & Бедяй
То-то б мы его уважили,
придавили б крепко досками,
пировать бы сверх уселися.
“Слушай, мол, как здесь мы празднуем!”

(Татары разбивают бочки с вином и пьют
серебряными чарками. Бурундай и Бедяй
садятся с прочими.)

Our steppe horses
stumble over the roots.
This marsh mist
takes our Tartar breath away.
Though we have beaten a brave army,
for three days we have been wandering in vain.
(to Kuter'ma)
You have duped us, you drunkard,
you've brought us to an uninhabited spot!
(With threats they surround Kuter'ma; the latter
throws himself at the feet of the warriors.)

KUTER'MA
Oh, have mercy, you warriors!

(Burunday and Bedyay stop the Tartars.)

BEDYAY
Don't worry! We shan't touch you,
we shall tie you securely to a tree,
and wait for the sun to come up.
Then we'll see what to do with you.

BURUNDAI
And if it isn't a deserted spot
and Greater Kitezh is standing on the bank ...

BURUNDAI AND BEDYAY
... we'll cut your head off
for betraying your prince.

(A cart appears, carrying Fevroniya, who sits in
silent anguish.)

BURUNDAI
And if you have been fooling us for nothing,
and you have led us into an uninhabited wilderness,
then your torments will be more bitter than death!
(They seize Kuter'ma and tie him to a tree.)
A nasty people!

(The Tartars sit down on the ground, kindle bonfires,
whilst other take out the booty and separate it into
different piles.)

BEDYAY
The young prince is to be pitied!
Forty wounds and still he did not give himself up alive.

BURUNDAI AND BEDYAY
We would have shown him our respect:
crushed him down firmly with boards
and then all sat down on top to feast:
“Listen, how we can celebrate here!”

(The Tartars break open some wine barrels and drink
the wine from silver goblets. Burunday and Bedyay
sit down with the others.)

Бедяй
Берегли вино хозяева,
сами так и не отведали.

(Татары мечут жребий и пьют вино. Многие,
забрав пай, отходят.)

Хор
Не вороны, не голодные
слетались на побоище,
Мурзы-князя собирались,
садились вокруг, будут дел делить.
А всех князей сорок витязей,
в делу паёв супротив того.
А первый пай – золотой шелом
того ли князька свято-русского;
другой же пай – его тельный крест;
а третий пай – в серебре булат.
Ещё есть пай, – он дороже всех, –
свет девица полоняночка:
не пьёт, не ест, убивается,
слезами, свет, заливается.

Бурундай
18 Ой же, вы мурзы татарские!
Мне не надо золота, серебра –
отдавайте полоняночку;
с нею я сейчас из делу вон.

Бедяй
Что ты, где же это видано?
Что повыпадет по жеребью,
то пускай и достаётся;
самому мне девка по сердцу.

Бурундай
Я видал её допреж тебя,
тут она мне и в любовь пришла.
Попытаем, спросим девицу:
мол, за кем из нас сама пойдёт?

Бедяй
(с хохотом)
Своему полону кланяться!

Бурундай
(Февронии)
Не плачь, не плачь, красна девица!
Сведу тебя в золоту Орду,
возьму тебя во замужество,
в цветном шатре посажу тебя ...

Бедяй
(перебивает с злой насмешкой)
Не плачь, не плачь, красна девица!
Сведу тебя в золоту Орду,
возьму тебя во работницы,
учить тебя буду плёткою ...

BEDYAY
The hosts were keeping their wine,
and they themselves did not even taste it.

(*The Tartars cast lots and drink the wine. Many,
taking their share, go off.*)

CHORUS
It was not hungry ravens
swooping down onto the bloody battlefield.
The Murza princes have assembled.
They sit around and will have a share-out.
There are forty princely knights in all
and the same number of lots.
The first lot is the golden helmet
of that noble Russian prince;
the second lot is his crucifix;
the third lot is his silver sword.
There is another lot – it is the most precious –
the lovely captive maiden,
who neither drinks nor eats and who grieves
in floods of tears.

BURUNDAY
Oh, you Tartar Murzas!
I don't need the gold or silver,
give me the captive girl;
I'm off with her away from this business.

BEDYAY
How so, since when has this been heard of?
Whatever the lots deal out to you
you may have;
I've taken a fancy to the girl myself.

BURUNDAY
I saw her first
and fell in love with her.
Let's put it to the test and ask the girl
which of us she'll have.

BEDYAY
(*with a guffaw*)
Pay homage to our booty!

BURUNDAY
(*to Fevroniya*)
Don't weep, don't weep, fair maiden!
I shall take you to the Golden Horde,
I shall take you as my bride,
and sit you in a coloured tent ...

BEDYAY
(*interrupting with bitter mockery*)
Don't weep, don't weep, fair maiden!
I shall take you to the Golden Horde,
I shall put you to work,
I shall teach you with the lash ...

Бурундай
Дашь мне девку, будешь другом мне,
а не дашь, ин будешь недругом.

Бедяй
(мрачно)
Недруг твой.

Бурундай
(ударяя Бедяя топором по голове)
Так на ж тебе!

(Бедяя падает мертвым. На миг молчание,
затем татары продолжают спокойно делёж.
Многие охмелели и, забрав свой пай, не в
силах идти, падают и засыпают.)

Хор
[19] Не вороны, не голодные
слетались на побоище ...
Мурзы князя собирались,
садились вкруг, будут дел делить.
(засыпают)

(Бурундай ведет к себе Февронию, ложится
сам на ковре, усаживает ее и старается
утешить.)

Бурундай
(притягивает к себе Февронию и обнимает ее)
Ты не бойся нас, красавица!
Наша вера, вера лёгкая:
не креститься, не поклоны бить ...
А уж будет золотой казны ...
(сквозь сон)
Не робей, лесная птишечка ...
ближе!.. ну! За что неласкова?
(засыпает)

(Спит и весь стан. Феврония отходит от
Бурундая.)

Феврония
(причитая)

[20] Ах, ты милый жених мой, надёжа!
Одинёхонек ты под раковой,
не оплакан лежишь, неотпетый,
весь кровавый лежишь, неомытый! ...
Кабы ведала я твоё место,
я слезой твоё тело омыла б,
своей кровью тебя отогрела б,
своим духом тебя оживила б.
Ах, ты сердце, ретивое сердце!
Отрывалось ты, сердце, от корня,
заливалось алою кровью.
А и как мне тебя прирастити?
(тихо плачет)

BURUNDAY
Give me the girl and you'll be my friend,
if you don't you'll be my enemy.

BEDYAY
(gloomily)
Your enemy.

BURUNDAY
(striking Bedyay over the head with an axe)
Well, take that!

(Bedyay falls dead. There is silence for a moment,
then the Tartars calmly continue with the sharing out.
Taking their share, many have got drunk, and unable
to walk, they fall down and go to sleep.)

CHORUS
It was not hungry ravens
swooping down onto the bloody battle ...
The Murza princes have assembled,
they sit around and will have a share-out.
(falling asleep)

(Burunday leads Fevroniya over towards him, lays
down on the carpet, then seats her down, too, and
tries to comfort her.)

BURUNDAY
(draws Fevroniya towards him and embraces her)
Do not fear us, my beauty!
Our faith is easy to get on with:
you don't have to cross yourself or make bows ...
and you will get a golden treasury ...
(half asleep)
Don't be timid, forest bird ...
Come nearer ... well? Why so frosty?
(falls asleep)

(The entire encampment is asleep. Fevroniya moves
away from Burunday.)

FEVRONIYA
(lamenting)
Ah, my dear husband, my hope!
You are so lonely under the willow,
you lie there, no one mourned for you or sang your
funeral rites,
you lie there soaked in blood and unwashed ...
If I knew where you were
I would wash your body with a tear,
with my own blood I would warm you,
with my own breath I would revive you.
Ah, my heart, my ardent heart!
You have been plucked from your root
and you are covered with bright red blood.
How am I to see you flourish again?
(weeps silently)

Кутерьма
(привязанный к дереву, тихо)
21 Слышь ты, девица ...
(поправляясь)
Княгиня свет!
(Феврония прислушивается.)
Не побрезгуй окаянным,
стань поближе, чистый человек!

Феврония
(узнает Кутерьму и подходит ближе)
Гриша, Гриша, что свершил еси!

Кутерьма
Ох, молчи! Невмоготу уж мне:
смерть страшна, кончина скорая;
потягчей того злодей-тоска ...
А уж звон Успенья китежский!
И почто звонит невовремя?
Ох, колотит Гришке колокол,
словно обухом по темени.

Феврония
(прислушивается)
Где же звон-то?

Кутерьма
Ах, княгинюшка!
Малым-мало пожалей меня:
шапку мне надвинь-ка на уши,
чтобы звону мне не слышати,
чтобы грусть-тоску мою избыть.
(Феврония подходит и надвигает ему шапку
на уши; тот прислушивается. С отчаяньем)
22 Нет, гудит, гудит проклятый звон!
От него никак не скроюся.
(Бешено потряхнув головою, он сбрасывает
шапку на землю. Быстро и страстно шепчет.)
Отпусти меня, княгинюшка,
разрешь мне узы крепкие,
дай уйти от мук татарских,
хоть денёк ещё помяться!
Убегу в леса дремучие,
отрощу по пояс бороду,
стану сам себе душа спасать.

Феврония
(нерешительно)
Что замыслил, Гриша, выдумал?
Ведь казнят меня младёшеньку.

Кутерьма
(спокойнее, убеждает)
Эх, на что тебе живот беречь?
Что имела, всё посеяла;
из людей-то даже княжеских,
почитай, в живых десятка нет.

KUTER'MA
(*tied to the tree, quietly*)
Hear me, maiden ...
(*correcting himself*)
Lovely princess!
(*Fevroniya listens.*)
Do not disdain the accursed,
come closer, noble soul!

FEVRONIYA
(*recognizes Kuter'ma and comes up closer*)
Grisha, Grisha, what have you done!

KUTER'MA
Oh, be silent! It is unbearable:
I fear death, and my end is coming;
more oppressive than that is the wicked anguish ...
Not to mention the bells of Kitezh!
Why are they ringing at the wrong time?
That bell is like a hammer for Grishka,
it is like an axe butt on my head.

FEVRONIYA
(*listening*)
What ringing do you mean?

KUTER'MA
Ah, princess!
Pity me just a little:
pull my cap down over my ears
so I can't hear the ringing,
so as to rid me of my grief and sorrow.
(*Fevroniya approaches him and pulls his cap over his
ears; he listens. In despair*)
22 No, that accursed ringing keeps droning on!
I can't hide from it at all.
(*He shakes his head furiously, and the cap falls to the
ground. Whispering rapidly and with passion*)
Let me go, princess,
release me from these firm bonds,
let me get away from these Tartar torments,
and suffer for one little day more!
I shall run off into the slumbering forests,
I'll grow my beard down to my belt,
I shall save my soul on my own.

FEVRONIYA
(*indecisively*)
What are you planning, Grisha, what have you devised?
They will put me to death, an infant.

KUTER'MA
(*more calmly, trying to convince her*)
Ha, what do you need your life for?
You've sown all you had;
think, even among the prince's people.
There can't be more than a dozen people left,

(глухо)

А не дай Бог что и жив кто был!

Феврония

(с возрастающим изумлением)

Отчего “не дай Бог”, Гришенька?

Кутерьма

Кто ни встретит, всяк убьёт тебя.

(Феврония вздрагивает.)

Как повёл я рать татарскую,
на тебя велел всем сказывать ...

Феврония

(отступает со страхом)

На меня велел ты, Гришенька?

Кутерьма

(тихо; кивая)

На тебя.

Феврония

(закрывая лицо руками)

Ой, страшно, Гришенька!

Гриша, ты уж не Антихрист ли?

Кутерьма

Что ты, что ты?

Где уж мне, княгинюшка!

Просто я последний пьяница:
нас таких на свете много есть.
Слёзы пьём ковшами полными,
запиваем воздыханьями.

Феврония

Не ропщи на долю горькую:

в том велика тайна Божия.

Аль тебе то в радость не было,
ведь и то нам свет Божественный,
как другие ходят в радости?

Кутерьма

Эх, ты свет моя княгинюшка!

Наши очи завидущия,
наши руки загребушия,
на чужую долю зарисься,
да сулишь им лихо всякое ...

А и Бога супротив пойдёшь:
мы на то и в горе век живём,
чтобы в горших муках смерть принять?

Феврония

(с чувством)

Горький, горький, трижды болезный!

Ты и впрямь не знаешь радости.

Кутерьма

(подлаживаясь)

И не слыхивал, княгинюшка,

(mutedly)

and God grant that none of them is alive!

FEVRONIYA

(with growing astonishment)

Why “God grant”, Grishen’ka?

KUTER’MA

Anyone who comes across you will kill you.

(Fevroniya shudders.)

As I led the Tartar army
I told them all to say it was you ...

FEVRONIYA

(recoiling with fear)

Me, Grishen’ka?

KUTER’MA

(quietly, nodding)

Yes, you.

FEVRONIYA

(covering her face with her hands)

Oh, that is terrible, Grishen’ka!

Are you the Antichrist, Grisha?

KUTER’MA

What do you mean?

You overestimate me, princess!

I am just the last drunkard:
there are many like me in the world.
We drink scoops brimming with tears,
and drown them with sighs.

FEVRONIYA

Do not complain of your bitter lot:

in this, God’s secret is great.

Aren’t you happy,
isn’t it like divine light for us,
when others live happily?

KUTER’MA

Ha, my lovely princess!

Our eyes are envious,
our hands are grasping,
we hanker after what others have,
we wish for them every evil ...

But why should we go against God:
isn’t it enough to live our lives in grief,
shall even our death be a bitter torment?

FEVRONIYA

(with feeling)

Bitter, bitter and thrice sick!

You really do not know joy.

KUTER’MA

(humouring her)

I haven’t heard, princess,

какова она такая съ.
(снова часто и порывисто)
Отпусти меня, княгинюшка,
разреши мне узы крепкие.

Феврония
Быть тому.
(торжественно)

24 Ступай, Господень раб!
Разрешу я узы крепкия,
смертных мук не побоюся я,
помолюсь за палачей своих.
Ты ж усердно кайся: Бог простит.
Кайся, всякий грех прощается,
а который непросительный,
не простится, — так забудется.
Чем же пути мне порушити?

Кутерьма
У того мурзы седатого,
видишь, нож торчит за поясом.

(Феврония подходит к Бурундаю и вынимает
у него нож; тот просыпается.)

Бурундай
(впросонках)
Ты ко мне, моя красавица!
Хочет обнять Февронию, но засыпает.
Феврония перерезает веревки)

Кутерьма
(вне себя от радости)
28 Ой, голубчики, на воле я!
Ну, теперь давай Бог ноженки!
(Ему вновь чудится звон.)
Слышишь? Снова звон неистовый.
Неприязнь сама в клепало бьёт,
томный страх наводит на сердце ...
И как страх тот расплзается,
по рукам, ногам, по жилочкам ...
Ходуну пошла сыра земля.
(Хочет бежать, но шатается, падает ничком и
некоторое время лежит без движения.
Встает; с отчаянной решимостью)
Не уйти от мук крошешных,
не жилец я на белом свете!
Головою в омут кинуся,
буду жить с бесами тёмными,
с ними ночью в чехарду играть.
(Кутерьма бросается к озеру;
останавливается у берега как вкопанный.
Первые лучи солнца освещают поверхность
озера и отражение стольного града в озере
под пустым берегом. Несется праздничный
звон, мало-помалу усиливаясь. Кутерьма
кидается обратно к Февронии, в безумном
удивлении показывая на озеро)
Где был бес, там нынче боженьки;

what joy is like.
(again rapidly and fitfully)
Let me go, princess,
release me from these firm bonds.

FEVRONIYA
So be it.
(solemnly)
Go, servant of the Lord!
I shall release your bonds,
I do not fear deadly torture,
I shall pray for my executioners.
Repent in earnest: God will forgive you.
Repent and He will forgive every sin,
and any that is unpardonable and
cannot be forgiven will be forgotten.
With what am I to cut your fetters?

KUTER'MA
See, that grey-haired Murza
has a knife tucked in his belt.

(Fevroniya goes up to Burunday and pulls out his
knife. The latter wakes up.)

BURUNDAI
(half asleep)
Come to me, my beauty!
(Tries to embrace Fevroniya, but falls asleep.
Fevroniya cuts through the rope.)

KUTER'MA
(beside himself with joy)
Ah, folks, at liberty!
Now God grant me legs to run!
(He again imagines the bells ringing.)
Did you hear? That frenzied ringing.
It is the enemy himself hammering on those bells.
A languid fear grips my heart ...
How that fear tears
through my arms, feet and veins ...
The damp earth is shaking.
(He tries to run, but staggers and falls face down.
For a time he remains motionless, then gets up; with
desperate resolve)
I won't get away from these hellish torments,
I'm not long for this world!
I shall go head first into the whirlpool,
I shall live with black demons,
I shall play leap-frog with them.
(Kuter'ma rushes towards the lake; he stops near the
bank, rooted to the ground. The first rays of the sun
light up the surface of the lake and the reflection of
the capital city in the lake beneath an empty
shoreline. The sound of the festive pealing of bells
little by little grows louder. Kuter'ma dashes back to
Fevroniya and with deranged amazement points at
the lake.)
There was a demon and now there are idols;

где был Бог, там ничегошеньки!
 Где же бес теперь, княгиношка?
 (исступленно хохочет)
 А, ха, ха, ха, ха, бежим, голубушка!
 “Он” велит мне Китеж-град найти.
 (дико)
 Га!
 (Убегает, увлекая за собой Февронию. Крик его разбудил татар.)

Хор
 Кто там бешеный кричал-вопил,
 раным-рано нас, татар, будил?
 Уж не вороги ль подкрались?
 Али время нам в поход идти?
 (увидя видение в озере)
 Чудо, чудо непонятное!
 Ой, вы воины татарские,
 просыпайтесь, пробуждайтесь!
 Поглядите, подивитесь!
 (с изумлением)
 Хоть над озером пустым-пусто,
 в светлом озере, как в зеркале,
 опрокинут виден стольный град ...
 Словно в праздник да на радостях,
 звон весёлый раздаётся.
 (На татар нападает безотчетный страх.)
 Прочь бежимте!
 Прочь, товарищи!
 Прочь от мест сих!
 От проклятых!
 Не случилось бы недоброго!
 Он велик ...
 (на бегу)
 Ой!
 (разбегаются в разные стороны)
 Страшен русский Бог!

CD 3

Действие Четвертое

Картина I

Темная ночь. Глухая чаща в керженских лесах. Поперек лежит вырванная с корнем ель. В глубине прогалина и поросшее мхом болотце. Через частые, цепкие кусты пробирается в разорванном платье Феврония; безумный Кутерьма следует за нею.

Феврония

(обессиленная садится на ствол)

- 1 Ой, нельзя идти мне, Гришенька:
 от истомы мне неможется,
 резвы ноги подкосились.

Кутерьма

Недосуг бы, мухоморы ждут ...

there was God and now there is nothing!
 Where is the demon now, princess?
 (gives out a frantic peal of laughter)
 Ha, ha, ha, ha, ha, let's run, my dear!
 "He" commands me to find the city of Kitezh.
 (wildly)
 Ha!
 (He runs off, dragging Fevroniya behind him. His shouting has roused the Tartars.)

CHORUS

Who was that shouting and yelling,
 waking us Tartars up so early?
 It can't be our enemies stealing up on us?
 Or is it time for us to set off on the campaign?
 (seeing the vision in the lake)
 It's a wonder, an incomprehensible wonder!
 Hey, you Tartar warriors,
 rouse yourselves, wake up!
 Look and marvel!
 (in astonishment)
 There is nothing above,
 but in the lake, as in a mirror,
 you can see the capital city upside down ...
 As on a festive day
 the joyful bells are ringing out in happiness.
 (The Tartars are seized with uncontrollable fear.)
 Let's take to our heels!
 Away, comrades!
 Away from this spot!
 From this accursed spot!
 Let's hope nothing bad happens!
 He is great ...
 (running)
 Oh!
 (run off in various directions)
 Fearsome is the Russian God!

Act Four

Scene 1

A dark night. A God-forsaken thicket in the forests of Kerzhenets. An uprooted fir-tree lies across the stage. At the back is a glade and a bog overgrown with moss. Fevroniya makes her way through the thick and sturdy bushes in torn clothes; a deranged Kuter'ma follows behind.

FEVRONIYA

(sits down on the tree trunk, exhausted)

Oh, I can't go on, Grishen'ka:
 I am worn out,
 my swift feet have failed me.

KUTER'MA

You've chosen the wrong moment, the fiends are

Да уж сядем здесь, княгинюшка;
ты на пень, а я на муравейник.
Экий бес-то у меня затейник!
(нагло и подбоченясь)
Возгордилась ты, княгинюшка
за столом за княжьем сидючи,
не узнала друга прежнего.
(про себя)
Вместе ведь ходили по миру.
(жалобно, как нищий)
Дай мне бедному, безродному,
дай озубочек голодному,
дай мне щец хлебнуть хоть ложечку,
дай просвирочки немножечко.

Феврония

Были ягодки, да ты ж их съел.

Кутерьма

(скороговоркой)

Бес их съел ... моей душой заел.
(нагло)

То-то нам удача выпала!

Шутка ль из болота ржавого
угодити в ложню княжую?

Вот уж впрямь княгиня знатная;

жаль, что лапы-то лягушечьи.

(дикое)

Ха, ха, ха, ха, ха !

Феврония

(кротко)

Не глумися, а одумайся:

помни, что за грех свершил еси.

Кутерьма

Старая погудка, старый лад!

2 Я не грешник, Господу приспешник,

рая светлого привратничек.

Не губил я душ невинных,

причислил их к лику мученик,

умножал Христово воинство.

Феврония

Гриша, Гриша, замолчи и плачь!

Плачь, коль слёзы есть.

Слезой выйдет.

Кутерьма

(всхлипывает)

Право, жаль мне Гришу старого.

Хорошо тому душу спасать,

кто живёт умом да хитростью.

Скажет сердцу он послушному:

“Коли глухо ты к чужой беде,

мысли-помысли поглубже спрячь!

Будем делать повеленное,

waiting ...

But let's sit down here, princess;

you on that tree stump and I on this anthill.

What a demon of a joker I have inside me!

(*insolently and with arms akimbo*)

You have grown proud, princess,

sitting at the prince's table,

and you don't recognize your old friend.

(*to himself*)

We went begging through the world together, don't

you remember?

(*pitifully, like a beggar*)

Give me a scrap,

poor, homeless and hungry that I am,

let me have just a spoonful of cabbage soup,

give me a tiny piece of communion bread.

FEVRONIYA

There were some berries, but you have eaten them.

KUTER'MA

(*in a patter*)

The devil ate them ... and my soul as a topping.

(*insolently*)

What fine luck we've had!

Is it such an easy matter to make

a princely chamber from a rusted marsh?

An illustrious princess indeed;

it's just a pity that she has frog's legs.

(*wildly*)

Ha, ha, ha, ha!

FEVRONIYA

(*meekly*)

Do not mock, collect your thoughts:

remember what a sin you have committed.

KUTER'MA

It's the same old story!

I'm not a sinner, but God's servant,

I'm the doorman of the Pearly Gates.

I haven't destroyed innocent souls,

I have added them to the list of martyrs,

I have multiplied Christ's army.

FEVRONIYA

Grisha, Grisha, be silent and weep!

Weep if you have any tears.

A tear will take out the stain.

KUTER'MA

(*sobbing*)

Indeed, I am sorry for old Grisha.

He who lives on his wits and his cunning

can easily save his soul.

He will say to his obedient heart:

“If you are deaf to the grief of others

hide your thoughts and intentions deeper inside you!

We shall do what is commanded of us,

всех любить да лишь себя губить,
нищих жаловать, поганых псов, —
(Оглядывается на Февронию; та плачет.)
на том свете всё окупится.”

Феврония
(в сторону)
Боже, смилуйся над Гришенькой,
Ты пошли любви хоть крошечку,
слёзы дай ему умильня!

Кутерьма
Вот как раз и осерчала! Видишь?
(почти шепотом)
Ну, давай молиться, если хочешь ...
Только не Ему; ведь на Него-то
и смотреть нельзя: навек ослепнешь.
Помолось-ко я сырой земли;
(пристаёт, как дитя)
научи меня земли молиться,
научи-ко, научи, княгинюшка!

Феврония
Я ль не рада научить тебя?
Повторяй же слово за слово.
(Кутерьма становится на колени и бьёт
поклоны.)

3 Ты земля, наша мати милосердная!

Кутерьма
(повторяет)
Милосердная.

Феврония
Всех поишь ты нас,
кормишь злых и праведных.

Кутерьма
Злых и праведных.

Феврония
Ты прости согрешенья
Грише бедному!

Кутерьма
Грише бедному!

Феврония
А греху нет названья,
нет и имени.

Кутерьма
А не свесить греха-то
и не вымерять.

Феврония
Ты земля оступела от греха того.

Кутерьма

love everyone and only destroy ourselves,
show favour to the beggars, the filthy dogs —
(*He looks back at Fevroniya; she is weeping.*)
and get our reward in the next world.”

FEVRONIYA
(*aside*)
O God, show mercy to Grishen'ka,
send him love, even if it's a tiny bit,
give him tears of tenderness!

KUTER'MA
Now you're really cross! You see?
(*almost whispering*)
Well, let's go and pray if you want ...
But not to Him; after all you cannot
look at Him or you will go blind for ever more.
I shall pray to the damp earth;
(*pesters her like a child*)
teach me to pray to the earth,
teach me, teach me, princess!

FEVRONIYA
Why should I not be happy to teach you?
Repeat word for word:
(*Kuter'ma kneels and bows down.*)

Earth, our merciful mother!

KUTER'MA
(*repeating*)
Merciful mother.

FEVRONIYA
You give us all drink,
you feed the wicked and the righteous.

KUTER'MA
The wicked and the righteous.

FEVRONIYA
Forgive the transgressions
of poor Grisha!

KUTER'MA
Of poor Grisha!

FEVRONIYA
His sin has no name,
no title.

KUTER'MA
His sin can't be weighed,
can't be measured.

FEVRONIYA
You are covered in scabs from that sin.

KUTER'MA

(с глубоким чувством)
Острупела, родная,
вся растлилася.

(with great feeling)
Covered in scabs, dear earth,
all corrupted.

Феврония
Ты пошли источник
слёз горячихих ...

FEVRONIYA
Send him a spring
of burning tears ...

Кутерьма
Слёз горячихих.

KUTER'MA
Burning tears.

Феврония
Чтобы было залить чем
тебя чёрную ...

FEVRONIYA
So that there should be something
to spill over you, black ...

Кутерьма
(невнимательно)
Тебя чёрную.

KUTER'MA
(inattentively)
Over you, black earth.

Феврония
Чтоб омылась родная
ажно добела ...

FEVRONIYA
Washed, dear earth,
so that you become white ...

Кутерьма
(бессознательно)
Ажно добела.

KUTER'MA
(involuntarily)
So that you become white.

Феврония
(увлекаясь)
И на нивушке новой,
белой, как хартия,
мы посеём с молитвой
семя новое.
(Кутерьма молчит и испуганно озирается.)
И взойдут на той ниве
цветы райские,
и сама ты, родная,
разукрасишься.

FEVRONIYA
(ecstatically)
And on the new cornfield,
as white as parchment,
with a prayer we shall sow
the new seed,
(Kuter'ma is silent, looking around in fear.)
and the flowers of paradise
shall descend to that cornfield,
and you, dear earth,
you shall be adorned.

Кутерьма
(испуганно)
Ай! Кто с тобой сидит, княгинюшка?
Страшен, тёмный и невзрачен он:
смрадный дым из пасти сеется,
очи словно угли пламенные,
а от духу от нечистого
нам, крещёным, быть живым нельзя.
(поспешно вскакивает)
Ой, помилуй, господине мой!
Не казни холопа верного.
Что прикажешь мне?
Плясать, скакать?
Поглумиться ль, на дуде играть?
(бешено пляшет и свищет)
Ай, люли, народился,
ай, люли, в нас вселился
змий седьмиглавый,
змий десятирожный.
Ай люли, с ним жена,

KUTER'MA
(in fear)
Ah! Who is that, sitting beside you, princess?
Fearsome, black and ugly he is:
a stinking vapour comes from his mouth,
his eyes blaze like coals,
and we Christian folk cannot live
in his impure breath.
(jumps up hastily)
Oh, have mercy, my God!
Do not put to death a faithful slave.
What do you command of me?
To dance, leap about?
To mock, to play the fife?
(dances about and whistles wildly)
Ay, lyuli, he has sprung into being,
ay, lyuli, the seven-headed serpent,
the ten-horned serpent
has implanted itself in us.
Ay, lyuli, with him his wife,

ай люли, рожена,
зла и ненасытна,
нага и бесстыдна.
Ай люли, наливай
чашу сладкую,
ай люли, подавай
мерзость адову.
(свищет, в бешеном ужасе)
Страшно! Скрой меня, голубушка!
Грудью, грудью защити меня!
(бросается головой на грудь Февронии и на
мгновение успокаивается)

- 4 Что же мне? Душа-то девичья,
что в оконнице, слюда света:
неприянь насквозь мне видима.
Вот она! Глядит невзрачен бес.
Из очей его поганых
спицы огненные тянутся,
в сердце Гришеньке вонзаются,
жгут его огнём крошечным ...
Где бежать? Куда я скроюсь?
Га!
(убегает с диким воплем)

Феврония
(одна)

- 5 Гришенька!..
Не слышит ... убежал.
(Ложится на мураву. Деревья мало-помалу
покрываются яркой изумрудной зеленью
причудливого вида.)
Хорошо мне стало лежучи,
хворой устали как не бывало.
И земля колышется тихонько,
что дитя качает в колыбели.
Бай, бай, спи, усни,
спи, сердечко, отдохни,
баю, баю, спи же, спи,
ты, ретивое, засни.
(На ветках деревьев повсюду загораются
восковые свечки. На деревьях и из земли
вырастают понемногу громадные
невиданные цветы: золотые крыжанты,
серебряные и алые розы, череда, касатики
и другие. Ближе к Февронии — низкие. Чем
дальше — тем выше. Проход к болоту
остается открытым.)
- 6 Посмотрю я: что здесь цветиков,
и какие все чудесные!
Раззолочены касатики,
череда-то словно в жемчуге ...
Говорят, бывают пташечки
к нам из рая из пресветлого,
на своих павлиньих пёрышках
семена заносят дивные.
Ах вы, цветики нездешние,
райский крин неувядаемый!
Как же вы поспели, выросли,
середь былья не заглохнули?

ay lyuli, is born,
evil and insatiable,
naked and shameless.
Ay lyuli, pour out
the sweet cup,
ay lyuli, serve up
the hellish abomination.
(whistles in a frenzy of fear)
It is fearsome! Hide me, my dear!
With your breast, with your breast, protect me!
(rushes toward Fevroniya and puts his head on her
breast and calms down for a moment)
What's happening to me? The virgin's soul
is as transparent as mica at the windowpane.
I can see my foe through it.
There he is! The ugly demon is gazing at me.
Fiery needles stick out from
his loathsome eyes,
and they pierce Grishen'ka's heart,
they burn him with their hellish fire ...
Where can I run? Where can I hide?
Ha!
(runs off with a wild yell)

FEVRONIYA
(alone)

Grishen'ka! ...
He will not listen ... He has run off.
(She lies down on the sward. The trees gradually
become covered in a bright emerald verdure of a
fantastical appearance.)
How good to lie down,
I have never felt such a sickly exhaustion.
The earth rocks quietly
like rocking a child in a cradle.
Rock-a-bye, sleep, slumber,
sleep, little heart, rest,
rock-a-bye, sleep, sleep,
you ardent heart, fall asleep.
(Wax candles everywhere start to glow at the tops
of the trees. Huge mysterious flowers gradually
sprout from the trees and the earth; golden
chrysanthemums, silver and scarlet roses, bur-
marigolds, calamus and others. The ones near to
Fevroniya are lower; as they go further away from
her they become taller. The pathway to the swamp
remains open.)
Let me see: what pretty flowers,
and how wonderful they are!
Gilded calamus,
bur-marigolds like a row of pearls ...
People say there are birds
that come from radiant paradise,
and on their peacock wings
they bring wonderful seeds.
Ah, you flowers not of this earth,
never-fading lily of paradise!
How did you ripen and grow,
how did you not suffocate from the weeds?

(Цветы шевелятся от дуновения ветерка.)

Дивно мне; отколь, неведомо, —
не из сада ли небесного
ветерки сюда повеяли.
И несут духи медовые
и гораздо благовонные
прямо в душеньку усталую,
прямо в сердце истомлённое.
Глубже, глубже вздохни, душа!
(выходит вперед, цветы ей кивают и
кланяются.)

- 7 Посмотрю я: что здесь цветиков,
и какие все чудесные!
Все вокруг меня сомкнулись
и, головками киваючи,
мне поклоны бьют низёхонько,
госпожу свою приветствуя.
Ах вы, цветики нездешние,
райский крин неувядаемый!
Таковая превелика честь
не пристала сиротинушке.
(оглядывается)
Али вновь весна красна пришла?
Все болота разлились,
все деревья разукрасились,
что боярышни к злату венцу;
(Запевают весенние птицы, раздаётся
кукованье. Среди птиц выделяется пение
Алконоста.)
- 8 разыгрались пташки вольныя,
тёмны заросли покинули.

Голос Алконоста
(за кулисами)
Укрепись надёжею,
верой несомненною:
всё забудется, время кончится.
Жди, рабыня Божия,
жди покоя тихого.

Феврония
Кто ты, голос мне неведомый, —
человек, аль птица вещая?

Голос Алконоста
Есмь я птица милости,
Алконост зовомая.
А кому пою, —
тому смерть пришла.

Феврония
Ай же, птица недогадлива!
Чудеса такие видевши,
умереть уж мне не боязно
и не жаль житья сиротского.
(рвет райские цветы и плетет венки)
Ах вы, цветики нездешние,
не прогневайтесь, милые!
Будет, будет мне

(The flowers stir from a breath of wind.)

I'm feeling so wonderful, I don't know why,
as if winds blew down here
from the celestial garden,
bringing honeyed
and sweet-smelling perfume
straight to my weary soul,
straight to my exhausted heart.
Breath deeper, deeper, my soul!
(steps forward, the flowers nod to her and bow)

Let me see: what pretty flowers,
and how wonderful they are!
They have all closed in around me,
nodding their heads
and making low bows to me,
welcoming their mistress.
Ah, you flowers not of this earth,
never-fading lily of paradise!
A poor orphan is not worth
such an enormous honour.
(looking around)
Has fair spring come again?
All the marshes luxuriate,
all the trees are adorned
like a boyar's daughter dressed for her wedding.
*(The spring birds start singing, a cuckoo's song rings
out. The singing of Alkonost stands out from the
birdsong.)*
The free birds are toning up their voices,
they have abandoned their gloomy thickets.

VOICE OF ALKONOST
(in the wings)
Fortify yourself with hope,
with indubitable faith:
everything will be forgotten, time will end.
Await, servant of God,
await eternal repose.

FEVRONIYA
Who are you, unfamiliar voice —
are you human or a prophetic bird?

VOICE OF ALKONOST
I am the bird of grace,
my name is Alkonost.
Death comes
to whomsoever I sing.

FEVRONIYA
Ah, slow-witted bird!
Having seen such wonders,
I do not fear to die
and I do not regret my orphan's life.
(picks the celestial flowers and weaves a wreath)
Ah, you pretty flowers not of this earth,
do not be angry, sweet flowers!
If I break you,

вас наломать, нарвать,
будет мне из вас венки плести.
Разоденусь я в последний раз,
как невеста разукрашуся,
в руки райский крин возьму,
буду ждать, тихонько радуясь:
приходи, моя смерётушка,
гостюшка моя желанная,
приведи мя в место злачное,
где жених упокоется.

(Из глубины прогалины, по топи, усеянной
цветами, как посуху, медленно шествует
призрак княжича Всеволода, озаренный
золотистым сиянием, едва касаясь ногами
почвы.)

Феврония

(вновь полная сил, бросается к нему)

- 9 Ты ли, ясный свет очей моих?
Ты ль, веселье несказанное?
На тебя ль гляжу, сердечного,
света, жемчуга бесценного?
Ты ли аль подобный точию
Всеволоду князю славному?

Призрак

Веселись, моя невеста, веселись!
По тебя жених пришёл.

Феврония

- 10 Жив надежда, друг, целёхонек!
Покажи свои мне раночки,
сорок раночек кровавых.
Их обмою слёзкой радости,
припеку их поцелуями.

Призрак

Мёртв лежал я в чистом поле,
сорок смертных ран на теле.
Было то, но то минуло:
нынче жив и Бога славу.

Феврония & Призрак

Мы с тобою не расстанемся,
мы с тобою не расстанемся,
николи во веки вечные,
а и смерть сама, разлучница,
пожалует нашей младости.

Феврония

Глянь-ко на Февронию
оком своим ласковым.

Призрак

О, невеста красная,
голубица нежная!

pluck you,
and weave wreaths from you.
I shall deck myself for the last time
like an adorned bride,
hold in my hands the heavenly lily,
and wait with a calm joy:
come death,
beloved guest,
lead me to that place of abundance,
where my husband rests.

(From the depths of the glade, over the swamp
strewn with flowers, the ghost of Prince Vsevolod
walks in procession as if over dry land. Illuminated in
a golden light, his feet barely touch the earth.)

FEVRONIYA

(again full of strength, rushes towards him)

Is that you, radiant light of my eyes?
Is that you, my untold joy?
Do I behold you, my beloved,
my light, my priceless pearl?
Is that you, or are you only the semblance
of the glorious Prince Vsevolod?

GHOST

Be happy, my bride, be happy!
Your bridegroom has come for you.

FEVRONIYA

My hope lives, beloved, you are intact!
Show me your wounds,
your forty bloody wounds.
I shall wash them with my tears of joy,
I shall dry them with my kisses.

GHOST

I lay dead in the open field
with forty fatal wounds on my body.
That is how it was, but it has passed:
now I live and glorify God.

FEVRONIYA AND GHOST

We shall not be parted,
we shall not be parted,
never and for all time,
and death itself, who parts people,
will take pity on our youth.

FEVRONIYA

Behold your Fevroniya
with an eye of tenderness.

GHOST

O fair bride,
tender dove!

Феврония

Око светозарное
нездешним веселием,
нездешним веселием
благодатно,
благодатно просветленное.

Призрак

Каково вы сладостны,
сладостны воздуха весенние,
такowo твой голос сладостен.

Феврония

Ты пахни в уста мои
духом дивных уст,
дивных уст твоих.
А исходят с уст твоих
слова вдохновенные,
речь тиха проникновенная.

Призрак

Каково на цветиках
чисты росы Божии,
такowo чиста слеза твоя.

Голос Сирина

(за кулисами)
[11] Се жених пришёл, —
что же медлиши?
Красный пир готов,
поспешай к нему.

Феврония

Кто ты, голос мне неведомый, —
человек, аль птица вещая?

Голос Сирина

Птица Сирин я, птица радости,
а кому пою, будет вечно жить.

Призрак

Ты пойми, невеста красная,
разумей их речи вещие.
Даст Господь нам ныне радости,
а её ж не знали мы,
явит оку свет невиданный,
чистый, незакатный свет,
явит оку свет невиданный,
незакатный, незакатный свет.

Феврония

Даст Господь нам ныне радости,
а её ж не знали мы,
явит оку свет невиданный,
тихий, незакатный свет.

Призрак

Истомилась ты, измучилась
от страстей от всех, от голода.
Вот прими ко укреплению:

FEVRONIYA

Radiant eye filled
with a happiness not of this earth,
with a happiness not of this earth,
eye enlightened by grace,
by grace.

GHOST

You have the sweetness
of the spring air,
your voice is so full of sweetness.

FEVRONIYA

Breathe on my lips
with the spirit of your wondrous lips,
your wondrous lips,
for your lips emit
words of inspiration,
your quiet words are full of feeling.

GHOST

As God's dew
on the flowers is pure,
so your tear is pure.

VOICE OF SIRIN

(in the wings)
The bridegroom has come —
why do you tarry?
The fine feast is prepared,
make haste to attend.

FEVRONIYA

Who are you, unfamiliar voice —
are you human or a prophetic bird?

VOICE OF SIRIN

I am the bird Sirin, the bird of joy,
that person to whom I sing shall live eternally.

GHOST

Fair bride, understand them,
fathom their prophetic words.
Now God will give us joy,
such as we have not known.
Our eyes shall behold an ineffable light,
a pure and never-setting light.
Our eyes shall behold an ineffable light,
a never-setting light.

FEVRONIYA

Now God will give us joy,
as we have not known.
Our eyes shall behold an ineffable light,
a calm and never-setting light.

GHOST

You are exhausted, worn out
by powerful feelings and by hunger.
Now fortify yourself:

нам дорога ведь не ближняя.
(Вынимает из-за пазухи ломоть хлеба и
подаст Февронии. Феврония разламывает
хлеб и ест, собирая крошки в горсть.)

- 12 Кто вкусил от хлеба нашего,
тот причастен к вечной радости.

Феврония
(бросая на землю крошки)
Полно мне ... а крошки мелкия
вам посею, пташки вольныя,
напоследок вас полакаю.
(набожно)

- 13 Господи Иисусе, ты прими мя,
водвори в селеньях праведных.
(Оба, рука в руку, медленно уходят по
болоту, едва касаясь земли.
Скрываются из виду. Отдаленный звон.)

- 14 Переход ко второй картине
Хождение в невидимый град. Звон
успенский. Райские птицы.
Облачный занавес.

Голос Сирина
(за занавесом)
Обещал Господь людям ищущим:
“Будет, детушки, вам всё новое:
небо новое дам хрустальное,
землю новую дам нетленную.”

Голос Алконоста
(за занавесом)
Обещал людям страждущим,
людям плачущим ... новое.
Обещал Господь людям праведным.
Так сказал: “Се сбывается слово Божие,
люди, люди, радуйтесь: здесь обрящете
всех земных скорбей утешение,
новых радостей откровение.

Голос Сирина
Царство светлое нарождается,
град невидимый создается,
несказанный свет возжигается.

- 15 Картина II
Облака рассеиваются. Град Китеж, чудесно
преображенный. Успенский собор и княжий
двор близ западных ворот. Высокие
колокольни, костры на стенах, затейливые
кондового дерева. Резьба украшена
жемчугом; роспись синего, пепельного и
сине-алого цвета, со всеми переходами,
какие бывают на облаках. Свет яркий,
голубовато-белый и ровный со всех сторон,
как бы не дающий тени. Налево, против
ворот, княжи хоромы; крыльцо сторожат
лев и единорог с серебряной шерстью. Сири
и Алконост, — райские пицы с женскими

our journey is a distant one.
(He takes from his bosom a piece of bread and gives
it to Fevroniya. Fevroniya breaks the bread and eats
it, gathering the crumbs in the cup of her hand.)
He who partakes of our bread
shall be admitted to eternal joy.

FEVRONIYA
(throwing the crumbs onto the ground)
That is enough for me ... but the little crumbs,
I shall sow them, free birds,
for the last time I shall treat you.
(piously)
Lord Jesus, admit me,
accommodate me in the dwelling of the righteous.
(Both, hand in hand, slowly go off across the swamp,
their feet barely touching the ground. They disappear
from view. Distant ringing of bells.)

Entr'acte to Scene 2

The walk to the invisible city. Ringing of the bells of
the Assumption Cathedral. Birds of paradise.
The stage floods with mist.

VOICE OF SIRIN
(behind the curtain)
The Lord promised those who seek:
“Little children, everything will be new to you:
I shall give a new crystal sky,
I shall give a new imperishable earth.”

VOICE OF ALKONOST
(behind the curtain)
He promised to the suffering
and to the weeping ... a new kingdom.
The Lord promised righteous people.
Thus He spoke: “Lo, the word of God is fulfilled,
people, people, rejoice: here you shall find
comfort for all your earthly woes,
and the revelation of new joys.”

VOICE OF SIRIN
A radiant kingdom is coming into being,
an invisible city is being created,
an ineffable light is kindled.

Scene 2

The mist disperses. The city of Kitezh wondrously
transformed. The Assumption Cathedral and the
prince's palace near the western gates. Tall bell-
towers with fires on the walls, intricate tower-
chambers and bedchambers made of white stone
and close-grained timber. The carving is decorated
with pearls; the wall painting is of a blue, ashen
and blue-red colour with all the gradations that are
found in clouds. The light is bright and of a bluish-
white hue; it is diffuse and seems not to produce any
shadows. To the left, opposite the gates, are the
prince's apartments; the entrance is guarded
by a lion and a unicorn with a silvery coat. Sirin

и Алконост, — райские пицы с женскими лицами, — поют, сидя на спицах. Толпа в белых мирских одеждах с райскими кринами и зажжёнными свечами в руках; среди толпы Поярок-зрячий и отрок, бывший его поводырём.

Алконост

16 Двери райския, райския...

Сирин

...вам открылися.

Алконост

Время кончилось ...

Сирин

Вечный миг настал.

Алконост

Настал.

(Все кланяются Княжичу и Февронии, которые входят в ворота. Феврония в блестящих одеждах.)

Хор

Будь тебе у нас добро, княгиня.

Феврония

(Не помня себя от удивления, ходит по площади, все осматривая, и в восторге плещет руками.)

17 Царство светозарное!

О, Боже!

Терема, врата и повалуши
ровно бы из яхонта.

Инороги среброшерстные!

Что за птицы расчудесныя,
голосами поют ангельскими!

(Народ окружает Княжича и Февронию и запекает свадебную песню под звуки гусель и райской свирели, бросая под ноги цветы, розы и синие касатики.)

Хор

18 Как по цветикам по лазоревым,
по плакун-траве по невянущей
не туманное плывёт облачко, —
к жениху идёт невестушка.
Играйте же, гусли,
играйте, свирели.

Феврония

(вслушиваясь в песню, схватывает Княжича за руку)

Свадебная песня-то,
а чья же свадьба?

and Alkonost, birds of paradise with female faces, sit on the spires and sing. The people are dressed in white secular clothing with lilies of paradise and lighted candles in their hands; Poyarok with his sight restored and the page that had been his guide are in the crowd.

ALKONOST

The doors of paradise ...

SIRIN

... have opened for you.

ALKONOST

Time has ended ...

SIRIN

The moment of eternity has come.

ALKONOST

Has come.

(All bow to the young prince and Fevroniya, who enter through the gates. Fevroniya is brilliantly attired.)

CHORUS

Welcome to you, princess.

FEVRONIYA

(Beside herself in amazement, she walks across the square, looking at everything and clapping her hands in delight.)

Radiant kingdom!

O God!

The tower chambers, gates and bedchambers
seem to be made of rubies.

The unicorns have silvery coats!

What wondrous birds,
with their angelic voices!

(The people surround the prince and Fevroniya and start up a wedding song to the sounds of guslis and celestial reed-pipes. They throw flowers, roses and blue irises at their feet.)

CHORUS

As the little cloud not formed of mist floats
over the azure-blue flowers,
over the never-fading willow herb,
so the bride comes to the bridegroom.
Play, you guslis,
play, you reed-pipes.

FEVRONIYA

(listening to the song, she grasps the prince's hand)

That is a wedding song,
but whose wedding is it?

Княжич Всеволод
Наша же, голубушка.

PRINCE VSEVOLOD
Ours, dearest.

Хор
Светлой радугой опоясана,
с неба звёздами вся разубрана,
сзади крылья тихой радости,
на челе напрасных мук венец.
Играйте же, гусли,
играйте, свирели.

CHORUS
Girdled by a radiant rainbow,
all attired with the stars of heaven,
with the wings of calm joy behind her
and the crown of unjust torments on her brow.
Play, you guslis,
play, you reed-pipes.

Феврония
Эту песню там ведь не допели.
Помню, милый. То-то дивно!

FEVRONIYA
Over there they did not sing it to the end.
I remember, dearest. How wonderful!

Хор
Окурим её темьян-ладаном,
окупим мы живой водицею;
а и скорбь-тоска позабудется,
всё, что грезилось, само придёт.

CHORUS
We'll waft dark frankincense over her,
we'll sprinkle her with living water;
grief and sorrow will be forgotten,
all that you dreamed of will come of its own accord.

(На крыльце княжких хором появляется князь Юрий.)

(*Prince Yuri appears at the entrance to the prince's apartments.*)

Княжич Всеволод
(указывая на отца)
Вот и свёкор-князь, родитель мой.

PRINCE VSEVOLOD
(*pointing to his father*)
Here is your father-in-law, the prince, my father.

(Феврония кланяется ему.)

(*Fevroniya bows to him.*)

Хор
Милость Божья над тобой, княгиня.

CHORUS
May the grace of God be with you, princess.

Князь Юрий
[19] Милость Божья над тобой, невестка!

PRINCE YURY
May the grace of God be with you!

Феврония
(кланяется на все четыре стороны)
Кланяюсь вам, праведные люди,
и тебе, мой свёкор-батюшка.
Не судите вы меня, сиротку,
простоту мою в вину не ставьте,
а примите в честную обитель,
во любви своей меня держите.
А тебя спрошу я, свёкор-батюшка:
не во сне ль мне то привиделось?

FEVRONIYA
(*bowing in all four directions*)
I bow to you, righteous people,
and to you, my father-in-law.
Do not judge me, an orphan,
do not reproach me for my simplicity,
but accept me into your honourable abode,
hold me in your affections.
Let me ask you, my father-in-law:
Is this not a dream?

Князь Юрий
Сон-то нынче явью стал, родная,
что в мечте казалось, ожило.

PRINCE YURY
The dream has now become reality, daughter,
what you imagined in your dream has returned to life.

Феврония
Люди добрые, поведайте:
шла сюда я лесом с вечера,
да и шла-то время малое,
а у вас здесь несказанный свет,
словно солнце незакатное.

FEVRONIYA
Good people, tell me:
I came here through the forest this evening,
and walked only a short time,
but here you have an ineffable light,
like a never-setting sun.
Why is the light here so brilliant
that even the radiant skies,

[20] Отчего у вас здесь свет велик,
само небо лучезарное,

что бело, а что лазерево,
инде ж будто заалелося?

Княжич Всеволод & Князь Юрий
Оттого у нас здесь свет велик,
что молитва стольких праведных
изо уст исходит видимо,
яко столп огнистый до неба.

Сирин, Алконост & Княжич Всеволод
Без свещей мы здесь и книги чтём,
а и греет нас, как солнышко.

Князь Юрий
До неба.

Феврония
Отчего здесь ризы белыя,
словно снег на вешнем солнышке
искрятся, переливаются,
больно глазу непривычному?

Отрок, Княжич Всеволод, Поярок & Князь
Юрий
Оттого здесь ризы белые,
словно снег на вешнем солнышке,
что слезой они омылись
изобильно, горячею.

Сирин, Алконост, Отрок, Княжич Всеволод,
Поярок & Князь Юрий
Таковые ж ризы светлые
и тебе здесь уготованы.

Хор
Милость Божья над тобою.
21 Буди с нами здесь векови,
водворися в светлом граде,
где ни плача, ни болезни,
где же сладость бесконечна,
радость ... вечна ...

Феврония
О, за что же эта радость?
Чем я Богу угодила?
Не святая, не черница,
лишь любила в простоте я.

Сирин, Алконост, Княжич Всеволод & Князь
Юрий
Поднесла ты Богу-свету
те три дара, что хранила:
ту ли кротость голубину,
ту любовь ли, добродетель,
те ли слёзы умиленья.

Хор
Милость Божья над тобою.

so bright and azure,
seem to redden here and there?

PRINCE VSEVOLOD AND PRINCE YURY
The reason for our brilliant light
are the prayers of so many righteous people
that issue from their lips
and ascend like a fiery column up to Heaven.

SIRIN, ALKONOST AND PRINCE VSEVOLOD
We can read books here without candles,
and it warms us like a little sun.

PRINCE YURY
Up to Heaven.

FEVRONIYA
Why is it that your white robes
are like snow in the spring sunshine,
sparkling and iridescent
and painful for the eye unused to them?

PAGE, PRINCE VSEVOLOD, POYAROK
AND PRINCE YURY
Our robes are white
like snow in the spring sunshine
because they have been washed in tears,
abundant and burning tears.

SIRIN, ALKONOST, PAGE, PRINCE VSEVOLOD, POYAROK
AND PRINCE YURY
The same brilliant robes
have been prepared for you here.

CHORUS
The grace of God be with you.
Stay with us here for ever more,
settle in our radiant city,
where there is neither weeping nor infirmity,
where there is sweetness without end,
joy ... eternal ...

FEVRONIYA
Oh, why such joy?
How have I pleased God?
I am neither a saint nor a nun,
I merely loved in my simple way.

SIRIN, ALKONOST, PRINCE VSEVOLOD
AND PRINCE YURY
You brought to the God of Light
the three gifts that you preserved:
a dove-like meekness,
love and virtue,
and tears of tender emotion.

CHORUS
The grace of God be with you.

22) Буди с нами здесь вовеки,
водворися в светлом граде,
где ни плача, ни болезни,
где же сладость бесконечна,
радость ... вечна ...

Княжич Всеволод
Ай же ты, невеста верная,
время нам и в церковь Божию,
в церковь Божию ко злату венцу.

Феврония
Милый мой, жених желанный!
Там в лесу остался Гришенька;
он душой и телом немощен,
что ребёнок стал он разумом.
Как бы Гришеньку в сей град свести?

Князь Юрий
Не приспело время Гришино,
сердце к свету в нём не просится.

Феврония
Ах, кабы мне грамотку послать,
утешенье Грише малое,
меньшей братии благу весть?

Князь Юрий
Что ж! Фёдор грамоту напишет,
отрок малый Грише донесёт:
пусть по всей Руси поведает
чудеса велики Божии.

(Поярок кладет на точеные перила княжьего
крыльца длинный свиток и готовится писать.
Феврония и князя около него)

Феврония
(Поярку)
Ну, пиши. Чего же не сумею,
люди добрые доскажут.
22) Гришенька, хоть слаб ты разумом,
а пишу тебе, сердечному.
(Поярок пишет.)
Написал аль нет?

Поярок
Написано.

Феврония
В мёртвых не вменяй
ты нас, мы живы:
Китеж град не пал, но скрылся.
Мы живём в толико златном месте,
что и ум вместить никак не может;
процветаем аки финики,
аки крины благовонные, —
пенье слушаем сладчайшее:

Stay with us here forevermore,
settle in our radiant city,
where there is neither weeping nor infirmity,
where there is sweetness without end,
joy ... eternal ...

PRINCE VSEVOLOD
Ah, my faithful bride,
it is time for us to enter God's church,
God's church and take the golden crown.

FEVRONIYA
My dearest, my beloved husband!
Grishen'ka has remained there in the forest;
he is feeble in body and soul,
his thinking has become childlike.
How can we lead Grishen'ka to the city?

PRINCE YURY
Grisha's time has not come,
his heart does not ask for the light.

FEVRONIYA
Ah, if I could send a note,
some small word of comfort for Grisha,
glad tidings to our lesser brethren?

PRINCE YURY
All right! Fyodor will write the note,
and the young page will carry it to Grisha:
Let him tell throughout Rus
of God's great miracles.

*(Poyarok places a long scroll on the finely chiselled
handrail of the entrance to the prince's apartments
and prepares to write. Fevroniya and the princes
stand near him.)*

FEVRONIYA
(to Poyarok)
Well, write. What I am unable to say,
you good people will finish for me.
Grishen'ka, even though you are feeble in mind,
I am writing to you, my dear friend.
(Poyarok writes.)
Have you written it or not?

POYAROK
I've written it.

FEVRONIYA
Do not make out that we are dead,
we are alive:
the city of Kitezh did not fall, but is hidden.
We are living in such an abundant place
that the mind cannot take it in;
we are flourishing like dates,
like sweet-smelling lilies —
we listen to the sweetest of singing:

Сириново, Алконостово.
(Князю Юрию)
Кто же в град сей внидет,
государь мой?

Князь Юрий
Всяк, кто ум нераздовоен имея,
паче жизни в граде быть восхошет.

Феврония
Ну, прощай, не поминай нас лихом.
Дай Господь тебе покаяться.
Вот и знак: в ночи взгляни на небо,
как столпы огнистые пляжут;
скажут: пазори играют ...
нет, то восходит праведных молитва.
Так ли говорю я?

Хор
Так, княгиня.

Феврония
Ино же к земли приникни ухом:
звон услышишь благодный и чудный,
словно свод небесный зазвенел.
То во Китеже к заутрене звонят.
Написал, Феодор?

Поярок
Написал.
(отдает сверток отроку)

Феврония
(Княжичу)
Ну теперь идём, мой милый!

Хор
Здесь ни плача, ни болезни, —
сладость, сладость бесконечна,
радость вечна, радость,
радость ... вечна ...

(Двери собора распахиваются, являя
неизреченный свет.)

*Libretto reproduced by kind
permission of the publishers*

that of Sirin and Alkonost.
(to Prince Yuriy)
Who will come to this city,
my lord?

PRINCE YURIY
Whosoever, being unambiguous in his mind,
chooses our city over life.

FEVRONIYA
So farewell, do not think badly of us.
God grant that you repent.
Here is a sign: gaze up at the sky at night and
take a look at the fiery columns burning.
People will say that it is the first rays of dawn ...
But no, it is the prayer of the righteous rising up.
Am I right?

CHORUS
Yes, princess.

FEVRONIYA
Or else, just put your ear to the ground:
and you will hear the wondrous and soft ringing,
as if the vault of heaven had begun to resound.
That is the bell for matins in Kitezh.
Have you written it, Fyodor?

POYAROK
I have written it.
(hands the scroll to the page)

FEVRONIYA
(to the young prince)
So now, let us go, my dearest!

CHORUS
Here there is neither weeping nor infirmity —
there is sweetness without end,
joy, eternal joy,
joy ... eternal ...

*(The doors of the cathedral are flung wide open
revealing an ineffable light.)*

Translation © 1999 Philip Taylor